

Мои воспоминанія или событія въ моей жизни

Записки М. Леонтьева.

Часть II.

**1828 года Января 13-го дня, сельцо Красное. Окончено 1829 года
Февраля 12 дня.**

Отецъ и мать оставили меня, но
Господь восприимъ меня.

Глава I.

**Путешествіе въ городъ Новогрудокъ и взглядъ на Литовскій
край.**

Взявъ въ Туль, губернскомъ нашемъ городѣ, подорожную и имѣя съ собою до 400 рублей денегъ пустился я на почтовыхъ Литовско-Гродненской губерніи въ городъ Новогрудокъ, чтобы тамъ вступить въ сословіе дѣтей Марсовыхъ. Почтовая ѣзда была сообразна пылкости лѣтъ моихъ, и я съ радостію летѣлъ съ звенящимъ колокольчикомъ въ край, для меня новый, и къ людямъ, которые считались еще тогда иностранцами. Проѣзжая города: Калугу, Юхновъ, Вязьму, Дорогобужъ, Смоленскъ, Красный, Борисовъ и Минскъ, я любовался ими какъ прекрасными декораціями съ быстротою предо мною открывавшихся и исчезающихъ, помня очень, что послѣдніе два города поразили меня несходностію жителей ихъ въ видѣ, одѣяніяхъ и въ языкѣ съ нами русскими и немудрено, ибо я, не выѣзжая до сего никуда изъ Россіи, не видалъ ничего прямо иностраннаго. 788 верстъ проѣхалъ я въ пять или шесть дней и пріѣхалъ въ Новогрудокъ, благодаря Господа, безъ всякихъ приключеній, благополучно; на семь трактѣ

отъ Борисова встрѣчалъ я офицеровъ гвардіи, несшихся въ Питеръ послѣ геройской компаніи Аустерлицкой; они вымещали свое неудовольствіе на французовъ надъ бѣдными поляками. станціонными смотрителями, бивъ ихъ нещадно на моихъ глазахъ. Замѣчу также, что при вѣздѣ въ край Литовскій, отъ Краснаго верстъ на сто, начинаютъ пространство дороги считать милями, что сначала казалось мнѣ непонятно, но послѣ вразумили меня, что польская миля почти равна нѣмецкой или 7 верстамъ нашимъ. По пріѣздѣ въ Новогрудокъ я подалъ просьбу къ государю о принятіи меня въ службу, чего скоро я и надѣялся по надобности въ офицерахъ, при формирующихся теперь новыхъ полкахъ. Городъ сей расположенъ на горѣ и частію на ровномъ мѣстѣ, онъ окруженъ лѣсами, и строенія въ немъ всѣ деревянные кромѣ огромныхъ католическихъ кляштеровъ или монастырей, гдѣ тучнѣли нѣкогда праздные монахи, а теперь въ одномъ изъ нихъ жилъ я, остановавъ на квартирѣ у брата моего теперь уже покойнаго Алексѣя, который здѣсь въ городѣ формировалъ тогда новый Могилевскій полкъ, будучи шефомъ онаго въ чинѣ генераль-майора; сей огромный монастырь принадлежалъ ордену Бернардиновъ. которые поживали здѣсь славно, судя по расположенію прекрасныхъ комнатъ, вовсе непохожихъ на кельи, здѣсь жилъ и митрополитъ униатскій Булгакъ, съ которымъ я и былъ знакомъ: онъ человѣкъ былъ хорошей и ласковый при необходимости. Новогрудокъ городокъ небольшой, но и въ немъ есть редуть, въ который съѣзжалось довольно посѣтителей для пріятнаго провѣденія времени. если бѣ буйство пьяныхъ офицеровъ нашихъ не нарушало иногда ихъ непритворной веселости! Мнѣ суждено было и теперь жить между буйствомъ сыновъ Бахуса, и я думаю, что сіи гадкіе примѣры научили меня тому омерзѣнію, которое, я чувствую и теперь при видѣ пьянаго человѣка. Здѣсь я провелъ время очень пріятно въ ожиданіи принятія меня въ службу, бывая въ редутахъ и у нѣкоторыхъ изъ жителей, между которыми помню и теперь панну Овсяную и доктора Вульфа. Справедливо надо сказать, что поляки умѣютъ жить весело и веселиться. Литва вообще покрыта дремучими лѣсами и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ большими болотами; мѣстоположеніе ея по большей части низкое: горы изрѣдка представляются взору и тѣ болѣе можно назвать малыми возвышенностями, въ Литовскихъ лѣсахъ много водится звѣрей, между которыми замѣчательны зубры. Зубръ—звѣрь, котораго мясо, какъ сказывали мнѣ, очень вкусно; они цвѣтомъ бѣлые и величиною съ корову русскую и имѣютъ бороду, похожую на козлиную. Медвѣдей здѣсь очень много, но не черныхъ; ихъ ловятъ во множествѣ, и въ мѣстечкѣ Сморгоняхъ учатъ ихъ плясать и прочему, откуда и водятъ ихъ по средней Россіи, собирая деньги за ихъ коверканье, отсюда наши и

дразнять поляковъ сморгонской дукацией. Населеніе въ семь краѣ многочисленное, но крестьяне всѣ находятся въ бѣднѣйшемъ положеніи и во всю жизнь свою ѣдятъ даже хлѣбъ мякинный, между тѣмъ какъ ихъ паны и жидаы живутъ очень богато. Во всей Литвѣ нельзя ничего достать иначе какъ отъ жида, у которыхъ въ рукахъ и вся торговля здѣшняго края; паны живутъ славно, ихъ замки и дома великолѣпны! Тамъ то вы не увидите ничего кромѣ золота, серебра, фарфора и дорогого хрустала; дома ихъ освѣщаются всегда воскомъ, о салныхъ свѣчахъ они не имѣютъ понятія: ихъ ольварки, на которыхъ живутъ ихъ эконоы и жидаы-арендаторы прекрасны. Тутъ можно быть приняту всегда хорошо. Впослѣдствіи, узнавъ манеръ, я во время похода всегда къ нимъ заѣзжалъ и пивалъ славный кофе, который варятъ въ Польшѣ превосходно, и ѣдалъ легкія потравы, какъ говорятъ поляки, или вкусныя закуски. Но шагъ далѣе—и тамъ видна совершенная нищета! Дома крестьянъ чуть не лачуги, одѣяніе ихъ вретиче, однимъ словомъ, здѣсь вездѣ видна бѣдность въ различномъ видѣ. Характеръ поляковъ можно описать въ нѣсколькихъ словахъ: гордъ, когда имѣютъ въ немъ нужду, подлъ и низокъ когда имѣетъ въ васъ оную, храбръ когда силенъ, но трусъ, когда слабъ. Женщины ихъ бойки, умны и ласковы, по обращеніе ихъ нагло и предосудительно; они могутъ быть вѣрными женами, но и въ старости кокетствуютъ. Духовенство ихъ богато, жирно и лѣниво; ѣдятъ прекрасно, пьютъ и того лучше, имѣя богатѣйшіе погреба, въ которыхъ нерѣдко найдете столѣтнее венгерское. до котораго и всѣ паны большіе охотники. Говорятъ, однако, что всѣ ихъ знаменитые погреба выпиты французами въ 1812 году.

Глава II.

Вторичное вступленіе въ службу; походъ въ Витебскъ, описаніе онаго. Лагерь при Двинѣ и возвращеніе въ Витебскъ.

Въ началѣ марта того же 1806-го года получены Высочайшіе приказы, которыми я принять въ службу чиномъ поручика съ отданіемъ старшинства и съ опредѣленіемъ въ Могилевскій пѣхотный полкъ, а вмѣстѣ съ симъ получено нами повелѣніе вступить въ городъ Витебскъ. Сіе возвратное отъ границы движеніе назначено намъ по случаю возвращеній армій нашихъ изъ подъ Аустерлица и Пруссіи. и мы поступили теперь изъ резервной арміи, въ который мы состояли, въ 5 пѣхотную дивизію; въ сіе время бывшія инспекціи, какъ несовмѣстныя съ благоустройствомъ армій, уничтожены, а составлены

дивизіи, раздѣляемыя на три пѣхотныя и одну кавалерійскую бригады съ пристойнымъ числомъ артиллеріи. По сему раздѣленію нашей 5 дивизіей назначенъ былъ командиромъ генераль-лейтенантъ Тучковъ 1-й, человекъ умный, ученый, по непредпріимчивый, какъ впоследствии я сіе видѣлъ. Полки составляющіе сію дивизію были: Сѣвскій, Калужскій, Пермскій и Могилевскій пѣхотные, 24 и 26-й Егерскіе; Польскій уланскій и Римской драгунскій полки; артиллерія, конная рота графа Сиверса и легкихъ двѣ роты; въ сей дивизіи по полному тогдашнему комплекту состояло 13000 человекъ и 48 орудій артиллеріи.

Походъ нашъ въ то время года, когда здѣсь начинается настоящая весна и ростепель, былъ очень затруднителенъ, а для молодыхъ рекрутъ, которыхъ мы имѣли болѣе 600 человекъ, даже гибеленъ по ихъ непривычкѣ; сихъ людей заболѣло у насъ много, а ровно и лошади подъ фурами и пороховыми ящиками очень пострадали. Съ сожалѣніемъ долженъ я замѣтить, что по странности распоряженій покойнаго государя мы ни одного важнаго движенія кромѣ (какъ) къ шведской войнѣ не дѣлали своевременно; на примѣръ, сей походъ по предвидѣнности возвращенія заграничныхъ армій должно бы намъ предпринять въ Февралѣ, и тогда люди и лошади сохранены были бы, а это не бездѣлица; будущій походъ нашъ въ Пруссію вмѣсто Октября долженствовало бы назначить въ началѣ Сентября, чѣмъ люди и лошади сохранились и, успѣя—сосредоточась—отдохнуть близъ границы имѣли бы ту свѣжесть и бодрость, которыя на войнѣ необходимы; дворъ же нашъ, руководя войною, не могъ не предвидѣть ея начала. Однимъ словомъ: удаленіе опытныхъ генераловъ и окруженіе себя молоко-сосами дѣлало то, что Александръ I-й, начиная съ 1805 года, никуда не поспѣвалъ заблаговременно, что и причиняло гибель государству и безславіе нашему отечеству.

Сей походъ до Витебска на разстояніи 300 верстъ окончили мы въ началѣ Апрѣля и пришли туда на Страстной недѣлѣ; здѣсь я вскорѣ обмундировался и уже у заутрени на Святой недѣлѣ былъ въ военномъ одѣяніи; весьма меня веселившемъ, и съ которымъ я, такъ сказать, сбросилъ съ себя все бѣдствія частной моей жизни. Витебскъ очень порядочный городъ, вмѣщающій въ себя болѣе 20000 жителей; строенія въ немъ большею частью каменныя и очень хорошей архитектуры; улицы довольно широки и хорошо вымощены камнемъ, а площадь городская, можно сказать, прекрасна, будучи окружена двухэтажными домами. Сей городъ лежитъ по обоимъ берегамъ Западной Двины,

частью на горахъ, частью на ровной возвышенности; рѣка сія весною судоходна и по ней до Риги сплавляютъ разные продукты Бѣлоруссіи. отъ чего дворянство и купечество, а паче жидаы, которыхъ здѣсь много, живутъ богато, но крестьянство не лучше въ своемъ состояніи Литовскаго и здѣсь также поселянинъ въ награду трудовъ своихъ утоляютъ голодъ мякиннымъ хлѣбомъ. Одна матушка Россія имѣетъ хлѣбопашцевъ въ состояніи очень хорошемъ, — если не построения, чему причиною мѣстное безлѣсіе, — то здоровой, вкусной и мирной пищи и одѣянныхъ тепло, красиво и изобильно.

Жители здѣшніе почти всѣ католики. отчего кляштеревъ и костеловъ здѣсь много и всѣ они пребогатые; они принадлежатъ орденамъ доминиканъ, бернардиновъ и иезуитовъ или точнѣе сказать игнатовцевъ, ибо учредитель ихъ былъ Игнатій Лойола, и сіи послѣдніе очень богаты: у нихъ въ кельяхъ угощаютъ богатою рукою, чему показалъ опытъ ихъ ксендзъ-каноникъ, угостивъ на Святой недѣлѣ высшихъ нашихъ чиновниковъ великолѣпно. Нашего же греко-россійскаго исповѣданія здѣсь двѣ только церкви: соборъ и гарнизонная церковь; первый замѣчательнъ по своей огромности и богатымъ колоннамъ, а послѣдняя деревянная. Въ семъ городѣ есть и жидовская синагога деревянная; публичныя увеселенія состоятъ здѣсь изъ прекраснаго рѣдута, комнаты котораго убраны богато и сада, расположеннаго на высокой горѣ, съ которой на городъ видъ прекрасный; въ семъ саду, разбитомъ очень хорошо и украшенномъ бесѣдками, весьма пріятно подышать чистымъ нагорнымъ воздухомъ. Въ половинѣ Іюня вступили мы въ лагерь для узнанія лагерной службы; сей лагерь устроенъ былъ прекрасно на берегу Двины, и я занимался здѣсь службою, уча свою гренадерскую роту, будучи въ исходѣ Апрѣля произведенъ въ штабсъ-капитаны, и довелъ ее до совершенства. Въ половинѣ Іюля смотрѣлъ насъ генераль Корсаковъ, тотъ самый, который въ 1799-мъ году потерялъ свой корпусъ при Цюрихѣ въ Швейцаріи. По окончаніи сего смотра, мы въ исходѣ Іюля возвратились въ городъ, черезъ который проѣзжалъ въ сіе время знаменитый изгнанникъ, достойный генераль Кутузовъ, котораго лишилъ армію императоръ Александръ I-й за правду, имъ сказанную. Въ началѣ Сентября мы съ приказами получили печатный экземпляръ сенатскаго адреса государю, въ которомъ похваляя мудрость сего монарха, Сенатъ оправдывалъ войну необходимую съ Наполеономъ, бывшимъ тогда французскимъ императоромъ; сія хитрая уловка желателя поправить Аустерлицкую компанію не могла скрыться, и мы начали приготовляться къ войнѣ, которой и желали по пылкости лѣтъ своихъ. Въ 30-е сентябля, какъ въ день именинъ моихъ я давалъ

хорошій завтракъ, на которомъ былъ и тогдашній Витебскій вице-губернаторъ почтенный Воиновъ—и во время онаго получено чрезъ фельдъегеря Высочайшее повелѣніе быть намъ готовыми по полученіи вторичнаго повелѣнія, черезъ 24 часа выступить въ походъ.

Глава III.

Современныя политическія и военныя происшествія.

Чтобы имѣть понятіе о тогдашнихъ происшествіяхъ, не бесполезно будетъ взглянуть на причины неудачи первой нашей въ сіе столѣтіе компаніи противъ французовъ.

Безъ сомнѣнія Ульмская капитуляція доселѣ неслыханная. гдѣ австрійскій генераль Маккъ сдалъ всю свою армію Наполеону, имѣла вліяніе на ходъ военныхъ происшествій, но чтобы она была главною причиною гибели нашей арміи подъ Аустерлицемъ, это ложно.

Русскій герой Кутузовъ велъ 20 тысячъ русскихъ на соединеніе съ арміей австрійской и въ окрестностяхъ Браунау получаетъ извѣстіе, что безчестный Маккъ сдалъ свою армію Наполеону и что сей идетъ къ нему въ обходъ его съ 150 тысячами своихъ войскъ. Всякій, кромѣ Кутузова, въ бояхъ испытаннаго, потерялъ бы духъ при семь ужасномъ извѣстіи, но сей герой предпринимаетъ знаменитую ретираду къ Кремсу, что на Дунаѣ, гдѣ поражаетъ корпусъ генерала Мортъе, осмѣлившійся отрѣзать путь ему. Въ сей ретирадѣ, какъ самъ Кутузовъ, такъ и безсмертный Багратіонъ и вся армія покрылась военною славою и доказали свѣту твердость и непоколебимость русскихъ войскъ. Одному только Кутузову съ горстію героевъ можно было удержать и отразить напоръ 40 тысячнаго корпуса генерала Мюрата при Шенграбенѣ. гдѣ Багратіонъ, пробившись на штыкахъ сквозь непріятельскую пѣхоту и кавалерію, удивилъ и самыхъ безстрашныхъ, доставя удержаніемъ тутъ французовъ способъ разбить Кутузову у Кремса 20 тысячный корпусъ генерала Мортъе, какъ сказано о томъ выше.

Соверша сей знаменитый подвигъ, сію славную и Ксенофоновой подобную ретираду, Кутузовъ соединился въ Моравіи съ сильнымъ корпусомъ Буксгевдена и гвардіею, получа тѣмъ въ свое начальство армію, простиравшуюся уже теперь до 60 тысячъ. Но съ симъ подкрѣпленіемъ прибылъ и Александръ I-й самодержецъ 28 лѣтъ! Пыл-

кій по юности и неопытности государь сей велъ корпуса къ Кутузову большими переходами, въ которые гвардія и всѣ войска шли съ барабаннымъ боемъ скорымъ шагомъ и въ рядахъ точно какъ на ученье, а офицеры были всѣ подъ пудрою, убираясь вседневно, какъ бы въ столицѣ и идя пѣшкомъ въ рядахъ своихъ отдѣленій*); сіе ребяческое хвастовство, сіе ненужное изнуреніе, сіе на фанфаронствѣ основанное щегольство породило ненависть войска къ сему государю и было первою причиною паденія славы войскъ, которые въ настоящей нуждѣ, перенося всѣ тягости, умѣли сражаться и побѣждать, видя заботу о себѣ Суворова, Румянцова и другихъ своихъ полководцевъ. Александръ I-й, соединясь съ Кутузовымъ, тотчасъ рѣшился атаковать Наполеона и съ сею мыслью подвинулся впередъ къ мѣстечку Аустерлицу; мудрый Кутузовъ убѣждалъ сего государя не дѣлать наступательнаго сего движенія, представляя сколь нуженъ хотя нѣкоторый отдыхъ столь изнуреннымъ войскамъ. Но мудрый совѣтъ сей былъ пренебреженъ. Кутузовъ, получа въ ночь на 20-е ноября планъ атаки французской арміи и видя, что его не пригласили даже на совѣтъ, но не могли столь ошибочнаго дѣйствіе произвести, и чувствуя всю гибель арміи, рѣшился по любви къ отечеству остановить неопытнаго государя и ночью же пошелъ къ нему. Пришедъ въ квартиру государя, онъ требовалъ, чтобы о немъ доложили, получа же отвѣтъ, что государь почитаетъ, онъ началъ говорить громко съ намѣреніемъ разбудить его; удивленный монархъ, проснувшись отъ сего, спросилъ кто тамъ, и узнавъ, что Кутузовъ, велѣлъ позвать его. Вѣрный сынъ отечества, не медля, сталъ просить государя остановиться атакою до прибытія корпуса генерала Эссена, бывшаго за нѣсколько переходовъ, представляя, что Наполеонъ вдвое сильнѣе насъ. Государь, вѣровавшій въ неумѣтное изреченіе Фридриха II-го, что если чего не могутъ произвести 30 тысячъ солдатъ; то того и 60 оныхъ не произведутъ, отклонилъ предложеніе Кутузова; Кутузовъ съ своей стороны убѣждалъ государя и, получа въ отвѣтъ, что провіанта нѣтъ и что войска изнуряются голодомъ въ ожиданіи Эссена, онъ просилъ позволенія взять все у жителей и продолжать армию, представляя, что австрійскій императоръ можетъ вознаградить край сей, будучи обязанъ своимъ достоинствомъ сохраненію сей арміи, но получа въ отвѣтъ, что мы въ землѣ союзниковъ, а не непріятелей, Кутузовъ упалъ предъ гордымъ государемъ симъ на колѣни и умолялъ его остановиться атакою, представляя невыгодность положенія даже мѣста и недостатки въ планѣ. Огорченный

---

* О семъ походѣ-парадѣ сказывалъ мнѣ тогда же и капитанъ Крюковъ, бывшій самъ во ономъ, служа въ Фанагорійскомъ полку.

противорѣчіемъ, монархъ сказалъ Кутузову: „Михайло Иларіоновичъ, я вижу вы любите пожить!“— „О,—сказалъ посѣдѣвшій во браняхъ герой,—сегодня я говорилъ съ Вами какъ генераль, а завтра буду сражаться какъ простой солдатъ!“—и, вставши, удалился. Что чувствовалъ сей мудрый вождь, видя отверженными свои совѣты и предвидѣвшій слѣдствія сраженія, а слѣдственно и своей славы, о томъ всякій судить можетъ. Сказываютъ, что просматривая наканунѣ еще планъ атаки Кутузовъ сказалъ: „если мы по оному сдѣлаемъ шагъ впередъ, то мы погибли“. Извѣстно, что планъ сей дѣлалъ генераль Винценгероде, уроженецъ баварскій, и, когда читалъ оный государю, то сей сказалъ окружавшимъ его: „какъ рѣка льется!“ означая тѣмъ превосходство онаго. По мнѣнію военныхъ людей главная ошибка диспозитера была та, что атакующія колонны не имѣли сообщенія и что кавалерія во-все была въ бездѣйствіи; второю и не менѣе важною почитаютъ ту, что государь вѣрилъ центральную колонну глупому, но видному собой генералу Прѣбышевскому, отнявъ оную у умнаго не виднаго собою генерала Лимпфена, отчего и послѣдовала главная гибель арміи въ тотъ несчастный день 20-го ноября. Но замѣтя всѣ недостатки въ распоряженіи, должно сказать по свидѣтельству многихъ участвующихъ въ семъ сраженіи, что при самомъ первоначальномъ движеніи, солдатами овладѣлъ до того паническій страхъ, что они при первомъ непріятельскомъ выстрѣлѣ, бросая оружіе, бѣжали. Храбрый полковникъ Манахтинъ при всемъ своемъ мужествѣ не могъ остановить бѣжавшаго своего Новгородскаго пѣхотнаго полка; соревнователи сего достойнаго начальника генераль Миллеръ и полковникъ князь Сибирскій, покрыты, тяжкими ранами попали въ плѣнъ непріятеля, но полки ихъ постыдно бѣжали. Слѣдствіемъ злосчастнаго сего сраженія была потеря болѣе 20 тысячъ человекъ и болѣе 150 орудій артиллеріи. Получа свѣдѣнія о сей битвѣ, австрійскій императоръ палъ къ ногамъ счастливаго Бонопарта и заключилъ съ нимъ миръ въ Пресбургѣ; прусскій же король, ужаснувшійся неслыханной дотолѣ гибели русской арміи, которую они считали арміею исполиновъ, немедленно далъ повелѣніе корпусу нашему подъ командой генерала Бенигксена выйти изъ Пруссіи, гдѣ оный соединился уже съ его арміей, готовившейся идти противъ Наполеона, и свою армію удержавъ, вошелъ въ мирныя съ нимъ сношенія. При сихъ обстоятельствахъ, разбитая наша армія въ Моравіи бѣжала черезъ Венгрію въ Россію, куда въ началѣ 1806-го года и прибыла въ самомъ разстроенномъ состояніи. При окончаніи сей главы не могу не замѣтить геройскаго отвѣта генерала Кутузова, даннаго Александру I-му. Когда сей государь, получа извѣстіе послѣ сраженія, что Кутузовъ легко раненъ, то желая изъявить ему свое уваженіе послалъ къ

нему своего лейбъ-медика Виліе, но огорченный герой сказалъ сему любимцу царскому: „донесите государю, что рана въ сраженіи мною полученная не опасна, но та рана, которую онъ мнѣ далъ здѣсь, (показывая на свое сердце) неизлѣчима“.

Глава IV.

Первый военный походъ, сраженіе и миръ.

Пораженный ужасомъ императоръ Александръ I-й, послѣ несчастнаго Аустерлицкаго сраженія, видя оставленнымъ себя отъ Австріи и Пруссіи, далъ повелѣніе повѣренному своему въ дѣлахъ въ Парижѣ, статскому совѣтнику Убрию заключить миръ съ Наполеономъ во чтобы то ни стало. Вслѣдствіе сихъ повелѣній Убри подписалъ мирный трактатъ такового содержанія, каковой побѣдителю подписать было угодно: но въ теченіе сего времени, тогда внушеніями Англии Пруссійскій король, изъ послушнаго слуги Франціи восхотѣлъ сдѣлаться ея непріателемъ, и Александръ I-й, успокояся, увидѣлъ, что еще армія его, столь многочисленная, можетъ выдержать новый походъ, перемѣнилъ свои мысли, соединясь съ Пруссіей тѣснѣйшимъ союзомъ и возжелалъ вновь сразиться съ Наполеономъ. Среди сихъ измѣнившихся обстоятельствъ, миръ заключенный Убри не только не ратификованъ, но и вмѣнена ему въ вину излишняя поспѣшность, и будто онъ дѣйствовалъ противно даннымъ ему наставленіямъ, но сія постыдная ложь никого не могла обмануть, ибо всякій видѣлъ сильное желаніе государя заплатить французамъ при первой возможности за свое пораженіе. Чтобы болѣе прикрыть себя маскою желанія мира, Александръ I-й послалъ новаго посла къ Наполеону, — Новосильцева, но съ требованіями, на которыя заранѣе знали, что онъ не согласится. Въ сіе время государь, зная, что большая часть Россіи не одобряетъ сей бесполезной и на единой личности основанной войны, далъ указъ сенату, въ которомъ притворяясь въ желаніи мира, но сваливъ постыдно вину на Убри въ невыгодныхъ переговорахъ, изъяснилъ, что посланъ Новосильцевъ вновь предложить самыя умѣренныя основанія мира, и что если Наполеонъ ихъ не приметъ, тогда честь Россіи требуетъ поднять оружіе, (слова, которыми обыкновенно прикрывается самолюбіе государей) для пріобрѣтенія прочнаго мира. Гибкій сенатъ въ поднесенномъ адресѣ соглашаясь съ монархомъ, увѣрялъ, что всѣ готовы пролить кровь свою, если Наполеонъ осмѣлится не согласиться на предложенія, данныя ему государемъ; получа сіе сенатское увѣреніе, Александръ тотчасъ

привелъ всѣ войска свои въ движеніе и, вслѣдствіе сего, и я съ полкомъ выступилъ въ походъ изъ Витебска, 6-го октября 1806-го года.

Я не стану говорить о трудностяхъ онаго, ибо самое время года показываетъ всю тяжесть его, въ особенности же въ болотистомъ Литовскомъ краѣ, при худо устроенныхъ дорогахъ, бѣдности жителей и при слѣдованіи многочисленной арміи, ея артиллеріи, парковъ и прочая; словомъ, мы тонули въ грязи. При семъ нельзя не замѣтить того, что, ведя сію войну, два честолюбца Александръ и Наполеонъ, по словамъ ихъ оба старались только о мирѣ, какъ верховномъ благѣ людей, а между тѣмъ съ пламеннымъ желаніемъ соединяли всякій стотысячныя свои арміи для личнаго прославленія себя, ибо ни польза Россіи, ни Франціи не требовали сей страшной войны, потому что Пруссія еще была самостоятельнымъ между ними государствомъ, а Австрія еще имѣя силы могла ручаться за равновѣсіе системы политической, что и доказало послѣдствіе бурнаго сего періода ужасныхъ войнъ. Въ продолженіи похода 26-го октября, мы получили Высочайшее повелѣніе, что наша 5-я, 7-я, 8-я и 14-я дивизіи будутъ составлять армію подъ начальствомъ генерала графа Буксегвена и что соединеніе наше послѣдуетъ въ окрестностяхъ города Гродно, гдѣ и главная квартира нашей арміи назначена. Такимъ образомъ соверша сей трудный походъ мы въ окрестностяхъ мѣстечка Мосты, соединились въ началѣ ноября съ 14-ю дивизіею, и 20-го того же мѣсяца выступили колоннами за границу нашу. Колонну нашу составляли полки: нашъ Могилевскій, Рижскій драгунскій и батареинная рота артиллеріи графа Сиверса; слѣдуя въ семь порядкѣ, мы въ 60-ти верстахъ отъ за-границы соединясь со всѣми колоннами нашей 5-й дивизіи, въ которой состояло 11800 человекъ съ 60 орудіями артиллеріи, продолжали движеніе свое къ берегамъ Вислы, по тогдашней прусской Польшѣ и прошли одинъ только значительный городъ Бѣлостокъ; прочіе же мѣста сего нынѣшняго царства Польскаго, покрыты бѣдными деревеньками и весьма незначительными мѣстечками тамъ и сямъ разбросанныя посреди болотъ и лѣсовъ продолжительныхъ.

Въ семь походѣ впервые еще узнали *биваки*, ибо послѣ продолжительныхъ и утомительныхъ переходовъ, на которыхъ мы почти непрестанно тащили по ужасной грязи на плечахъ солдатъ свою артиллерію и, располагаясь въ сихъ бивакахъ, гдѣ грязная земля служила намъ постелью, а небесный сводъ кровомъ, мы согрѣвали и осушили себя разводимымъ нами огнемъ, для котораго ломали заборы, овины, риги, амбары и даже крыши съ домовъ и лачугъ; слѣдствіемъ сего изну-

рительнаго похода была довольная убыль людей изъ фронта, а новая наполеоновская выдумка лагерей безъ палатокъ и замѣна оныхъ шалашами, стоила разорительнаго опустошенія селеній и лѣсовъ. Чѣмъ далѣе подавались мы впередъ, тѣмъ затруднительнѣе становилось наше продовольствіе, а съ приближеніемъ къ городу Остролянкѣ, что на рѣкѣ Наровѣ, и самый голодъ появился въ рядахъ нашихъ храбрыхъ солдатъ.

Сіе бѣдствіе хотя и было слѣдствіемъ неосмотрительности нашего правительства, но наипаче оно проистекало отъ тѣхъ чрезвычайныхъ событій коими исполнено было начало нашего вѣка.

Чтобы яснѣе представить себѣ картину нашего положенія, обратимъ взоръ на предшествовавшія оному происшествія. Выше сего въ 3-й главѣ сказано было, что король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ III, при началѣ Аустерлицкой компаніи, принялъ нашъ 40 тысячный корпусъ подъ начальствомъ генерала Бенигсена въ свои владѣнія съ тѣмъ, чтобы соединенно съ онымъ дѣйствовать своею арміею на Рейнѣ; но неожиданный оборотъ сей войны и вѣроломные совѣты перваго королевскаго министра маркиза Лукхезини, заставили короля сего колебаться между миромъ и войной, а получа извѣстіе о слѣдствіи Аустерлицкаго сраженія, Фридрихъ, желая выслужиться передъ счастливымъ Бонапартомъ, выслалъ нашъ корпусъ изъ своихъ владѣній. Но могла ли сія слабодушная политика сдѣлать полезное для Пруссіи дѣйствіе на гордую душу Наполеона? Онъ молчалъ, когда руки его были заняты Австріей, но освободясь отъ нея Пресбургскимъ миромъ, и видя въ самомъ дѣйствіи политики слабость Берлинскаго кабинета, Бонапартъ рѣшился самъ нанести ударъ невѣрной союзницѣ и вслѣдствіе сего учинилъ впаденіе въ Пруссію; за симъ впаденіемъ въ исходѣ 1806-го года послѣдовало вскорѣ сраженіе при Іенѣ 14-го Октября того же 1806-го года, гдѣ Наполеонъ однимъ ударомъ сокрушилъ 150 тысячную армію ея, которую Фридрихъ II-й основалъ на чувствѣ атеизма и чести, а не на вѣрѣ и вѣрности, и мы были свидѣтелями быстрого и ужаснаго паденія царства атеизма, гордынею человѣческою воздвигнутаго, въ семь не бываломъ доселѣ пораженіи, а не сраженіи; Наполеонъ взялъ въ плѣнъ знаменитыхъ сотрудниковъ Фридриха II-го, герцога Брауншвейгскаго и фельдмаршала Мелендорфа, болѣе 8000 солдатъ и всю почти артиллерію; уцѣлѣвшій клочокъ пруссаковъ съ генералами Лестокомъ и Рюхелемъ бѣжалъ за Вислу, а генералъ графъ Калькрейтъ съ 10-ю тысячами засѣлъ въ Данцигѣ. Слѣдствіемъ Іенскаго истребленія было не только паденіе арміи, но и всего королевства Пруссіи, ибо ея зна-

менитыя крѣпости сдавались Наполеону безъ выстрѣла, и онъ въ теченіи шести недѣль прошедъ все твореніе Фридриха II-го, явился въ началѣ декабря близъ Варшавы. Такъ погибла философская выставка героя 18-го вѣка, столь прославленнаго философа-государя Фридриха II-го. Слѣдствіемъ сего необычайнаго и столь знаменитаго событія были и всѣ наши способы къ продовольствію со стороны Пруссіи прерваны, и мы, бывъ призваны сильнымъ союзникомъ къ соединенію съ его знаменитой арміей, внезапно увидали 150 тысячъ французовъ предъ собою и вмѣсто провіанта и денегъ, къ намъ посыпались ядра непріятельскія.

Такимъ образомъ, получа свѣдѣніе о истребленіи пруссаковъ, мы сдѣлали суворовскій переходъ въ 55 верстъ къ Остерлянкѣ, дабы стать на линію соединенія съ корпусомъ Бенигсена, занимавшаго Варшаву, и при появленіи Наполеона отступавшаго къ Пультуску; всѣ сіи движенія простирались до 14-го Декабря 1806-го года, въ которое время пріѣхалъ къ намъ главнокомандующимъ фельдмаршалъ графъ Михайло Каменскій, и принялъ въ свою команду всю нашу армію, изъ корпусовъ генераловъ Бенигсена, Буксегвдена и Эссена I-го состоявшую и вмѣщавшую въ себѣ 10 дивизій пѣхоты, полковъ гусарь, драгунъ и кирасиръ съ пушками артиллеріи и простиравшуюся до 130 тысячъ, считая въ томъ числѣ и казаковъ.—

Претерпѣвая, какъ сказано выше, большой недостатокъ въ нашемъ продовольствіи, мы брали рожь у жителей и мололи ее солдатами въ ручныхъ жерновахъ и тѣмъ предупредили жестокой голодъ. Каменскій, пріѣхавъ и, увидавъ наше внутреннее положеніе, бросилъ армію и уѣхалъ въ Россію. Поступокъ единственный въ лѣтописяхъ военныхъ и ни въ какомъ случаѣ и ничѣмъ неизвинительный, но въ правленіе слабое и безпорядочное императора Александра I-го, только могущій послѣдовать. Между тѣмъ Бенигсенъ при Пультускѣ былъ атакованъ Наполеономъ и выдержалъ сіе сраженіе очень удачно, съ числомъ меньшимъ противъ его; мы подвинувшись къ мѣстечку Макову и слыша жестокую канонаду пребыли безъ дѣйствія, хотя весьма могли, приближась къ Бенигсену съ 50 тысячами свѣжаго войска, разбить въ пухъ Наполеона, не вѣдавшаго о нашемъ прибытіи и тѣмъ заставили бы его ретироваться вновь за Вислу и въ столь сумрачное и грязное время года въ томъ климатѣ, и по вѣрнѣйшимъ соображеніямъ онъ бы погибъ тогда же и рѣки крови человѣческой не лились бы до 1815-го года. Но нехотѣніе употребить знаменитаго Кутузова въ вожди наши, и многія другія упущенія и ошибки Александра I-го дѣлають его

виновнымъ во всѣхъ послѣдующихъ бѣдствіяхъ 8 лѣтъ тяготившихъ Россію.

Итакъ скопище нѣмцевъ Бенигсенъ, Буксгевденъ и Эссенъ, оставшись безъ главнаго вождя, начали плутать по Польшѣ и втолкнулись въ началѣ 1807-го года въ Старую Пруссію, гдѣ армія и поручена командѣ генерала Бенигсена. Бенигсенъ не будучи русскимъ (важная неудобность), слѣдственно, не зная характера русскихъ войскъ, началъ отступать, наводя Наполеона, по словамъ его, на выгодныя для себя позиціи. Сіе непрестанное отступленіе, сей маневръ нѣмецкаго характера, отъ котораго мы потеряли большое число людей и лошадей на сихъ переходахъ, усталыми и бѣжавшими поляками, бывшими у насъ въ полкахъ изъ рекрутъ литовскихъ, (у насъ въ полку изъ 1300 человекъ выбыло изъ строя 300 человекъ, усталыми нашими—и бѣжавшими поляками), произвели наконецъ всеобщій ропотъ и столь сильный, что главнокомандующій почелъ нужнымъ призвать въ главную свою квартиру шефовъ всѣхъ полковъ и объявить имъ, что ропотъ солдатъ слышитъ онъ и просить ихъ объявить онымъ, что онъ не боится французовъ, а ведетъ армію къ твердой позиціи, гдѣ и дастъ жестокое сраженіе. Сіе увѣреніе главнокомандующаго успокоило умы храбрыхъ и побѣдоносныхъ воиновъ нашихъ, готовыхъ лучше лечь на мѣстѣ, чѣмъ изнурять себя робкими ретиродами.

22-го Января 1807-го года при мѣстечкѣ Янковѣ дошло у насъ до первой перестрѣлки съ французами, 25-го при Лансбергѣ была вторая, 26-го третья при Прейсигъ-Эйлау, но уже довольно жаркая, въ которой я видѣлъ героя князя Багратиона, командующаго нашимъ арьергардомъ. къ которому мы были посланы на подкрѣпленіе, и я съ гренадерскимъ батальономъ занималъ въ сей день одну деревеньку на нашемъ правомъ флангѣ, но до дѣла здѣсь не дошло, и мы отступили за городъ Прейсигъ-Эйлау, гдѣ и заняли высоты тамъ лежащія, построясь въ ордеръ-баталію; первая линія колоннами, а вторая линіями, и въ семь положеніи ночевали.

27-го день достопамятнѣйшій въ нашей военной исторіи. Рано по утру Наполеонъ атаковалъ нашъ правый флангъ, состоящій изъ нашей 5-й и 7-й дивизіи подъ командою генералъ лейтенанта Тучкова 1-го, густыми колоннами своей кавалеріи; она была допущена на полный картечный выстрѣлъ и потомъ встрѣчена нашими батареями изъ 48 орудій состоящими и командуемыми храбрымъ бастиономъ Шульманомъ, Никитинымъ и графомъ Сиверсомъ, совершенно смята, пора-

жена и преслѣдуема ядрами. Вторую атаку произвелъ Наполеонъ пѣхотными колоннами, которыя, бывъ смяты равномѣрно огнемъ нашей славной артиллеріи, были преслѣдованы полками нашей дивизіи Сѣвскимъ и Калужскимъ; послѣ сихъ неудачныхъ атакъ Наполеонъ открылъ по насъ губительный огонь сильныхъ своихъ батарей и повелъ атаку на нашъ лѣвый флангъ, куда прибылъ въ подкрѣпленіе прусскій генераль Лестокъ съ 10-ю тысячами своего войска. Здѣсь произошла жесточайшая битва, продолжавшаяся до самой ночи, и во время которой нашъ лѣвый флангъ нѣсколько осадилъ назадъ, будучи несравненно малочисленнѣе атакующихъ войскъ, ибо нашъ главнокомандующій видя, что нашъ флангъ, счастливо отбивъ непріятели, стоялъ безъ дѣйствія подъ губительнымъ огнемъ артиллеріи французской, ни мало не думалъ послать нѣсколько полковъ въ усиленіе нашего лѣваго фланга, но напротивъ при самомъ жестокомъ нападеніи на наши войска, непріятеlemъ учиненномъ, рѣшился было отступить, но былъ отъ сего удержанъ настоятельнымъ требованіемъ бѣлоразумнаго генерала Тучкова.

Съ 11-го часа утра до самой глубокой ночи мы безъ промежутка стояли подъ жесточайшій пальбой непріятелискихъ батарей такъ, что была пословица: подъ Эйлау для труса мѣста не было. Симъ губительнымъ огнемъ въ моей ротѣ убито 15, а ранено жалостнѣйшимъ образомъ 20 человекъ гренадеръ; сіи раны состояли въ оторваніи рукъ, ногъ и срыванія части череповъ и большею частію были смертельны. Въ сіе жесточайшее сраженіе, гдѣ одна храбрость даровала намъ побѣду и принудила отступить многочисленностію превосходящаго насъ непріятели, я подвергался большой и неоднократной видимой опасности, изъ которыхъ милосердная десница Всемогущаго изводила меня невредимо; скажу только объ одной или двухъ: на примѣръ—изъ тысячи летѣвшихъ надо мной и возлѣ меня ядеръ, одно шло прямо въ разрѣзъ мнѣ, но ударившись въ бывшій противъ меня непримѣтный почти бугорокъ, столь углубилось, что засыпавъ меня снѣгомъ и землею, не могло вылетѣть, и товарищи крайне удивились, увидя меня живымъ; другое ядро, ударивъ въ пороховой ящикъ, убило лошадь и оторвало объ ноги состоявшему возлѣ меня канониру, оторвавъ руку еще ближе ко мнѣ подавшемуся моей роты унтеръ-офицеру Ивану Устинову, а я остался цѣлъ. Въ сіе жесточайшее сраженіе съ нашей стороны убито и ранено 17000 человекъ, а съ французской также не менѣе; въ нашей арміи въ семь сраженіи въ строѣ было 76000 человекъ и 10 тысячъ пруссаковъ, у французовъ было около 120000; пушекъ съ обѣихъ сторонъ было близъ 1600.

На другой день, то есть 28-го января, мы отступили еще до свѣту къ Кенигсбергу, а французы къ Остерроде. Итакъ ясно, что сія битва для обѣихъ сторонъ бывъ истребительною, осталась однако нерѣшеною. Сражаясь два дня, то есть 26-го и 27-го, армія наша не имѣла куска хлѣба; 28-го и 29-го отступая къ Кенигсбергу также безъ хлѣба, мы столько потеряли людей отсталыми, что у насъ во всемъ полку осталось около 300 человѣкъ, и мы сформировавшись въ одинъ батальонъ, 4 знамени отправили по приказанію главнокомандующаго въ его квартиру. Въ семь положеніи 30-го января, прибывъ къ Кенигсбергу расположились мы предъ нимъ линіями на бивакахъ, на которые доставили къ намъ хлѣбъ и немного мяса, послѣ сего, дня черезъ четыре, вступили въ самый городъ, а авангардъ нашъ подвинулся къ Гейльсбергу и далѣе къ рѣкѣ Алѣ. Итакъ, послѣ 50 дневнаго стоянія на бивакахъ, мы наконецъ ощутили и комнатный воздухъ; оборвавшись весь, я здѣсь сшилъ себѣ платье и утолилъ свой голодъ вкусными блюдами. Подлинно, военная служба есть мать нужды и лишеній! Но и въ ней есть особеннаго рода наслажденія, которыхъ мирный гражданинъ никогда не испытаетъ; сіи то, такъ сказать, капли удовольствій въ морѣ бѣды и напастей увлекаютъ сыновъ войны на поле брани, куда они летятъ съ радостью, удивительною для того, кто не можетъ чувствовать той радости, того удовольствія, которое рождаетъ въ насъ временное лишеніе всѣхъ жизненныхъ благъ при новой встрѣчѣ съ оными.

Простоявъ въ Кенигсбергѣ дней десять мы вышли изъ онаго и пошли въ селеніе Нейендорфъ къ сторонѣ Гейльсберга, а главная наша квартира перенесена въ Бартенштейнъ. Кенигсбергъ, древняя столица герцогства Пруссіи, стоитъ на рѣкѣ Прегелѣ при Куришь-Гафе или заливѣ Балтійскаго моря; онъ довольно обширенъ, строеніе имѣетъ все каменное, по большей части въ три этажа, но замѣчательнаго ничего; торговлю производитъ обширную съ Литвой и Польшей и имѣетъ жителей болѣе 60 тысячъ.—Тогда полагали, что 10 дневное стояніе наше въ немъ и возлѣ его принесло ему 2 милліона рублей серебромъ. И не мудрено, ибо армія здѣсь получа свое жалованье и рационныя деньги, здѣсь его и оставила. По прошествіи уже 21-го года отъ битвы Эйлауской, я съ радостію вспоминаю необыкновенную твердость духа и теплую вѣру нѣкоторыхъ изъ бывшихъ моихъ товарищей, кровію своею запечатлѣвшихъ любовь къ отечеству и преданность къ престолу. Изъ нихъ прапорщикъ моей роты Константинъ Бровчинскій, бывъ пораженъ ядромъ въ бокъ, воскликнулъ: „Господи, приими духъ мой!“ и за симъ словомъ испустилъ духъ свой возлѣ

меня. Унтеръ-офицеръ Иванъ Устиновъ, моей же роты, получа ударъ ядромъ въ правую руку, которымъ оторвало у него кисть, не только устоялъ на мѣстѣ, но весьма хладнокровно сказалъ: „этакія бестіи, теперь и перекреститься нечѣмъ!“—и пошелъ на перевязку.

Простоявъ въ Нейндорфѣ до 16-го апрѣля, въ которое время подошли къ намъ усталые и бѣжавшіе изъ плѣна непріятельскаго наши солдаты, мы сего числа выступили черезъ города Ландсбергъ, Оршенъ въ городъ Цинтенъ, гдѣ и простояли по 22-е число того же мѣсяца, а въ сей день послѣдовали черезъ Кенигсбергъ и деревни Митьэтень и Ведитень въ городъ Фишгаузенъ, лежащій на берегу залива Балтійскаго моря. Здѣсь въ первый разъ увидѣлъ я море. Сей величественный видъ приковалъ меня на нѣсколько минутъ; въ морѣ стояли англійскіе и шведскіе фрегаты, и я съ восхищеніемъ смотрѣлъ на сіи плавающія крѣпости, какъ на эмблему ума человѣческаго. 25-го приближаясь къ городу и крѣпости Пиллау, мы остановились въ маленькой деревенькѣ на самомъ морскомъ берегу лежащей, гдѣ на свободѣ любилъ я сидѣть на берегу и любоваться игрою волнъ, какъ изображеніемъ собственной моей жизни; и я игрою волненія страстей людскихъ и своихъ собственныхъ, изъ палатъ царскихъ брошенъ въ хижину и изъ хижины на поле брани, гдѣ скитаюсь изъ мѣста въ мѣсто и ищущу, такъ сказать, смерти. Какая судьба ожидаетъ меня въ будущемъ? Гдѣ наконецъ назначено приклонить мнѣ голову мою для успокоенія? Или жизнь сія вся пройдетъ въ бѣдствіи? Такъ думалъ я въ 1807-мъ году!—и все сіе выписываю изъ тогдашнихъ моихъ записокъ. Но вскорѣ сіи мирныя размышленія мои были нарушены быстротою военныхъ приготовленій, ибо 26-го числа получили мы повелѣніе, что назначаемся для морской экспедиціи и поступаемъ въ команду генерала графа Николая Каменскаго, послѣ чего, 27-го числа, и выступили мы въ городъ Пиллау, который хотя и не великъ, но многолюденъ, богатъ и слѣдственно хорошо выстроенъ. При вступленіи во оный мы слушали полковой молебень, прося Господа силъ благословить насъ на новый подвигъ!

Въ семь городѣ нашли мы всѣ полки своего отряда, названнаго легучимъ отрядомъ, и который состоялъ изъ нашего Могилевскаго, Архангелогородскаго, Полоцкаго, Навагинскаго, Тобольскаго, пѣхотныхъ; 21-го Егерскаго полковъ и полка казаковъ и 66 орудій артиллеріи; число людей въ семь отрядѣ простиралось до 5000 по случаю большой недостаки комплекта. Съ самаго ранняго утра стали садиться на купеческіе корабли для насъ приготовленные и къ 7 часамъ вечера

выбуксировались на взморье. Здѣсь представился для меня одинъ изъ достопамятнѣйшихъ видовъ въ моей жизни. 50 кораблей съ войсками были выстроены въ линію, по флангамъ которой стояло по три шведскихъ и англійскихъ фрегатовъ; вскорѣ вся сія линія снялась съ якоря по данному сигналу съ англійскаго фрегата, на которомъ сидѣлъ графъ Каменскій и въ чудеснѣйшемъ порядкѣ, на всѣхъ парусахъ пустились въ море. Единственное зрѣлище, объ которомъ житель твердой земли не можетъ имѣть яснаго понятія. Едва мы тронулись, какъ зрители, коими усѣянъ былъ весь берегъ, замахали шляпами и платками, а мы крикнувъ ура, при громкой музыкѣ понеслись по гладкой поверхности зыблущейся стихіи. Я долго стоялъ на палубѣ корабля и не могъ насладиться сначала величественнымъ строемъ нашего флота, а потомъ неизъяснимо разительнымъ захожденіемъ солнца, отъ котораго все море попеременно было золотымъ, краснымъ и багровымъ; только мрачная ночь уже въ 10 часовъ вечера принудила меня сойти въ каюту. Корабль, на которомъ я сидѣлъ съ двумя ротами, назывался „Робертъ“. Начало нашего плаванія было благополучно, ибо день былъ ясный и вечеръ прелестнѣйшій; итакъ, покуда займемся взглядомъ на то куда и для чего плывемъ мы.

Выше было сказано, что прусскій генералъ Калькрейтъ съ 10 тысячами послѣ Іенскаго истребленія взошелъ въ Данцигъ; Наполеонъ приближаясь къ Вислѣ отрядилъ къ Данцигу маршала своего Лефевра съ 30 тысячнымъ корпусомъ, повелѣвъ ему производить осаду. Съ открытіемъ весны французы начали тѣснить пруссаковъ, къ подкрѣпленію которыхъ сначала посланъ нашъ генералъ Щербатовъ съ тремя гарнизонными батальонами, впоследствии названными Бѣлостокскимъ полкомъ, но какъ по времени и сіе подкрѣпленіе оказалось малымъ, а цѣлость сей знаменитой крѣпости была необходима для военныхъ нашихъ операціи, то и положено было союзными державами послать туда 10 тысячъ шведовъ, столько же англичанъ и нашихъ; и сими войсками, разбивъ маршала Лефевра, идти въ тылъ Наполеону; соображеніе было важное, но весьма жаль, что оно осталось безъ исполненія. Вслѣдствіе сего то мы и назначены въ Данцигъ, куда и направили путь свой. Судьба кажется хотѣла испытать меня всѣми опасностями, и мы въ ночь на 29-е Апрѣля потерпѣли жестокою бурю, которая развела столь ужасное волненіе, что корабль нашъ въ паденіи своемъ казалось погружался въ бездну, изъ которой нашъ выбрасывало для того, чтобы еще глубже погрузить въ оную; такимъ образомъ буря продолжалась весь день 29-го и всю почти ночь на 30-е Апрѣля только предъ разсвѣтомъ 30-го числа она утихла, а мы въ сей день

вошли въ гавань Нейфорвассеръ и въ оной вышли на берегъ въ крѣпостцу сію, которая на время и вмѣстила весь нашъ отрядъ: строеніе въ ней каменное, но самое малочисленное и состоящее почти изъ однихъ казармъ. Въ семь оконченномъ нами морскомъ пути меня сильно укачало, и я жестоко мучался морскою болѣзною, состоящею изъ круженія головы и рвоты. 1-е Мая прошло въ переговорахъ съ городомъ Данцигомъ посредствомъ телеграфа. 2-го мы, для сдѣланія фальшивой демонстраціи, вышли колоннами изъ крѣпости и, расположась въ боевой порядокъ, показали себя французамъ, стоя болѣе четырехъ часовъ, послѣ чего возвратились частію въ крѣпость, а частію ставъ биваками предъ оною, но въ ночь на 3-е число съ величайшей тишиною, переправясь на паромахъ черезъ рѣку Вислу, вступили въ крѣпость Вейксельмюндъ, занятую тремя прусскими батальонами пѣхоты съ полкомъ королевскихъ драгунъ подъ командою генерала Рембова; здѣсь, прилегши на площади и у валовъ крѣпостныхъ, мы немного отдохнули, съ раннимъ же разсвѣтомъ построились въ три колонны къ атакѣ и стали у воротъ, дожидаясь свѣта. 1-я колонна составлена была изъ 21-го Егерскаго полка и стрѣлковъ отъ всѣхъ полковъ по 60 человѣкъ съ каждаго, имѣя при себѣ взводъ пруссаковъ; число ея простиралось до 1600 человѣкъ и ею командовалъ генералъ майоръ Лаптовъ; 2-я колонна была наша, составленная изъ полковъ: нашего Могилевскаго и Полоцкаго и 100 казаковъ, число ея простиралось до 1500 человѣкъ. 3-я составлена была изъ полковъ Навагинскаго, Тобольскаго и батальона Архангелогородскаго и была въ командѣ генерала Арсеньева, число ея было до 1800 человѣкъ; резервъ нашъ состоялъ изъ двухъ батальоновъ: Архангелогородскаго полка и 3 прусскихъ, всего до 2000 человѣкъ.

Общія распоряженія были слѣдующія: 1-я колонна атакуеть лѣсъ, въ лѣвомъ флангѣ нашемъ лежащій и занятый непріателемъ; вторая по очищеніи сего лѣса пойдетъ на укрѣпленный холмъ и взявъ его приступомъ, откроеть тѣмъ сообщеніе съ Данцигомъ, изъ котораго въ сіе время гарнизонъ сдѣлаеть сильную вылазку; 3-ья колонна обойдетъ лѣсъ и будетъ угрожать стрѣлками правому непріятельскому флангу войскъ, въ лѣсу расположенныхъ, и подаваясь впередъ, будетъ заходить имъ въ тылъ; очистя лѣсъ, сіи обѣ колонны пойдутъ далѣе и взойдутъ подобно намъ въ Данцигъ; но всѣ сіи предначертанія не исполнились, какъ видно будетъ ниже. И такъ раннимъ утромъ 1-я колонна атаковала лѣсъ и сначала весьма удачно, но полученное непріателемъ скорое подкрѣпленіе остановило первый ея натискъ, и огонь закипѣлъ на одномъ мѣстѣ. Въ сіе время наша колонна, вышедъ изъ крѣпости,

остановилась, пройдѣ съ полверсты отъ оной: въ сіе мгновеніе Каменскому надлежало всю нашу колонну пустить въ лѣсъ, гдѣ сражалась 1-я и, ею удара во флангъ непріятеля, истребить его прежде его дальнѣйшаго усиленія, но вмѣсто сего Каменскій, будучи пьянъ, въ сіе время остановилъ насъ, какъ сказано, на дорогѣ въ ожиданіи очищенія лѣса первой колонной; между тѣмъ Лефевръ не дремалъ, но тотчасъ началъ посылать сильныя подкрѣпленія своимъ въ лѣсъ, а по нашей колоннѣ открылъ перекрестный огонь со всѣхъ своихъ батарей. Стоя подъ симъ губительнымъ огнемъ, мы имъ служили мишенью; у насъ почти безпрестанно вырывали ядра цѣлые ряды храбрыхъ, но жалости достойныхъ нашихъ солдатъ, которые стояли неподвижно и мужествомъ своимъ изумляли англійскихъ офицеровъ, при насъ бывшихъ. Между тѣмъ третья наша колонна, подойдя къ берегу моря, остановилась и стояла во все время нашего сраженія безъ всякаго дѣйствія и тѣмъ лишила насъ содѣйствія 1800 человекъ войска, но Каменскій ничего сего не помнилъ, будучи въ сильномъ разхмельѣ. И такихъ то людей избирали тогда въ отдѣльные начальники, а между тѣмъ Милорадовичъ и другіе оставлены были безъ дѣйствія, и сему то непонятному оцѣпенѣнію Александра 1-го обязана Россія пятилѣтнимъ униженіемъ и разорительнымъ 1812 годомъ. Наконецъ непріятель, которому давали время на подкрѣпленіе, въ виду нашемъ къ нему подходившія, усилиясь, погналъ нашу колонну вонъ изъ лѣса; Каменскій, видя сіе, теперь рѣшился оную подкрѣпить и то частями, посылая изъ нашей колонны ротами. Во время сихъ нестерпимыхъ глупостей, французскій маршалъ Лефевръ столько успѣлъ прислать подкрѣпленія въ сей лѣсъ, что число непріятеля возросло до 5000 человекъ, а подъ конецъ до 10 тысячъ, ибо пруссаки никакой изъ Данцига вылазки не сдѣлали и тѣмъ способствовали французамъ безъ развлеченія устремиться на одинъ пунктъ нашъ.

Каменскій, обезсиля нашу колонну взятіемъ поротно всего Полоцкаго полка, и увидя малый успѣхъ 1-й колонны, поворотилъ и нашъ полкъ въ лѣсъ, занявъ наше мѣсто тремя прусскими батальонами Рембова, которые, нимало не держась, ушли въ крѣпость; тогда 2 батальона Архангелогородскаго полка заступили то мѣсто, которое мы съ толикою славною непоколебимостію удерживали болѣе 4 часовъ. Подошедъ къ лѣсу, я первый посланъ былъ съ моей ротой впередъ, которую, построивъ въ линію, я быстро повелъ въ жестокой огонь, кипѣвшій на одномъ мѣстѣ, ибо ни наши, ни французы другъ другу не уступали ни шагу земли. Но въ самомъ пылу я былъ вскорѣ раненъ въ правое плечо на вылетъ, и брызнувшая фонтаномъ кровь моя

принудила меня отдать команду старшему по мнѣ. Я возвратился къ крѣпости на первую перевязку и видѣлъ Каменскаго, стоявшаго на укрѣпленіи и просившаго о мнѣ; послѣ перевязки я взошелъ въ крѣпость и легъ на показанной мнѣ квартирѣ. Между тѣмъ сраженіе кипѣло, и ружейный огонь густо катался въ рядахъ сражающихся, что продолжалось до 12 часовъ съ перемѣннымъ счастьемъ. Наконецъ Каменскій, видя, что не храбрость, но число солдатъ нашихъ чрезмѣрно начало уменьшаться, ибо мы сражались тремя тысячами противъ десяти тысячъ, далъ приказаніе отступить, что и исполнено съ примѣрной неустрашимостью, какъ со стороны начальствующихъ, такъ и подчиненныхъ; въ числѣ первыхъ отличился тогда покойный братъ мой Алексѣй, командуя 2-й колонной.

Въ сіе сраженіе, названное отъ стыда Каменскимъ рекогносцированіемъ, полкъ нашъ покрылся славою предъ всѣми другими храбрыми полками нашими и заслужилъ имя: „храбрый Могилевскій полкъ“—отъ своихъ и чужестранцевъ. Свидѣтели сего славнаго для нашихъ офицеровъ и солдатъ сраженія, англичане и шведы пожимали намъ раненымъ руки въ знакъ уваженія крича: „браво, Русь!“ Итакъ что же намъ осталось отъ сего жестокого и упорного сраженія, въ которомъ въ моей ротѣ изъ числа 85 человекъ, бывшихъ въ сей день въ строю, убито—унтеръ офицеровъ 3, барабанщикъ 1, рядовыхъ 18; ранено оберъ-офицеровъ 2, рядовыхъ 21, а всего вышло изъ фронта 45 человекъ. Въ полку же изъ числа 700 въ строю бывшихъ, вышло 396 человекъ. Одна слава, но пользы никакой! Здѣсь ясно видимо, что и безъ помощи союзниковъ мы подъ начальствомъ просвѣщеннѣйшаго и опытнѣйшаго генерала взошли бы въ Данцигъ и заставили бы Наполеона по меньшей мѣрѣ усилить еще Лефевра, а симъ самымъ ослабя его армію, споспѣшествовали бы равновѣсію силъ оной съ нашею. Не могу вновь не обратиться къ бывшимъ моимъ товарищамъ и не сказать, что въ сей славный для насъ день, всѣ 12 ротныхъ начальниковъ были переранены, что солдаты наши какъ львы шли впередъ, изъ числа которыхъ моей роты гренадеръ Мироновъ, бросаясь въ средину непріятелей, и поражая ихъ, былъ самъ отъ множества оныхъ поднять на штыкахъ.

4-го мая насъ раненыхъ посадили на корабль и повезли въ Кенигсбергъ. Каменскій, видя, что ни англичане, ни шведы не приходили къ намъ, а бывший у насъ англійскій генералъ Гутчинсонъ объявилъ, что сего и не будетъ, рѣшился и самъ днѣй черезъ 10 съѣсть на суда и возвратиться къ своей арміи, что и исполнилъ. Прибывъ

въ Кенигсбергъ, насъ выгрузили на набережную Прегеля, гдѣ мы и лежали въ ожиданіи назначенія квартиръ; въ сіе время день былъ прекрасный и покойная прусская королева Луиза, мать нашей императрицы, прогуливаясь по городу въ экипажѣ, увидя насъ лежащихъ у пристани, послала спросить: кто мы и откуда? Узнавъ все, она тотчасъ послала своего камеръ-пажа въ ратушу за квартирами для насъ, а между тѣмъ объявила, что за всѣхъ насъ будетъ платить свои деньги хозяйкамъ за наше содержаніе, что великодушно исполняла восемь дней, ибо далѣе исполнить сего была не въ состояніи по истощенію собственныхъ ея финансовъ въ то бѣдственное для Пруссіи время. На другой день сія благодѣтельная государыня присылала къ намъ своего доктора, помнится Гуфланда, который, бывъ въ великолѣпномъ синемъ, золотомъ шитомъ мундирѣ и украшенный нашимъ Анненскимъ орденомъ, осматривалъ насъ бѣдныхъ армейскихъ офицеровъ; сія жаркая любовь къ страждущему человѣчеству, сіе свойство прекрасной души милосердой Луизы долженствуетъ быть незабвенными въ родѣ моемъ. И да благословится память твоя, добрая государыня, и отдаленнѣйшимъ, благомыслящимъ потомствомъ моимъ.

Получа облегченіе отъ ранъ моихъ, я въ первой пылкой любви къ отечеству отправился было въ полкъ въ исходѣ мая, но полковой командиръ мой храбрый полковникъ Платонъ Тимофеевичъ Козловскій, восторженный симъ поступкомъ, рассказаннымъ имъ графу Дебальменю и Воронцову, и князю Долгорукову флигель-адъютантамъ императора Александра I-го, совѣтовалъ мнѣ дружески побережь себя, и я чувствуя, что раны мои еще не закрылись, послѣдовалъ его совѣту и возвратился изъ подъ Гейльсберга въ Кенигсбергъ. Въ іюнь мѣсяцѣ, когда Фридландское сраженіе дало несчастный оборотъ войнѣ нашей, я отправленъ въ числѣ другихъ въ городъ Юрбургъ за Нѣманъ въ нашу границу; въ семь путешествіи сопутствовали мнѣ товарищи мои по ранамъ, нашего полка поручикъ баронъ Вреде и прапорщикъ Чаплинъ. Нѣманъ переправились мы подъ Юрбургомъ на плоту; здѣсь рѣка сія имѣетъ около 200 сажень ширины, но на ней есть бродъ нѣсколько лѣвѣе города, по которому при мнѣ и переправлялся тяжелый обозъ нашей арміи. Прибывъ въ Юрбургъ, я явился къ генералу барону Маркловскому, здѣсь командовавшему гарнизонными батальонами, сведенными сюда изъ разныхъ мѣстъ, который, не имѣя возможности размѣстить насъ по столь малому городу, ибо однихъ офицеровъ простиралось до 700 человѣкъ, а рядовыхъ было нѣсколько тысячъ, предложилъ намъ ѣхать въ Россію, кому куда угодно, съ тѣмъ, чтобы по излеченіи ранъ явились къ полкамъ своимъ; я просилъ дать

мнѣ паспортъ до города Шацка Тамбовской губерніи, въ уѣздѣ котораго въ селѣ Подсосенкахъ покойная мать моя тогда находилась, и которое имѣніе досталось послѣ сестрамъ моимъ, и имѣніе нынѣ продается. Получивъ паспортъ, я отправился въ городъ Ковно, что на Нѣманѣ.

Теперь для связи моего повѣствованія обратимъ послѣдній взоръ на ту по истинѣ геройскую армію, которую въ исходѣ Апрѣля оставили мы въ окрестностяхъ Гейльсберга, Бартенштейна и на рѣкѣ Алѣ; на ту армію, которая одною неимовѣрною храбростью своею, одними своими трудами и рвеніемъ отстояла Россію въ теченіи 6 мѣсяцевъ, безъ всякаго способствованія отъ ума своего главнокомандующаго, который, говоря по самой строгой безпристрастной справедливости, не заслужилъ чести быть ея начальникомъ.

Въ половинѣ Апрѣля императоръ Александръ I-й прибылъ къ арміи и остановился въ городѣ Бартенштейнѣ. Обрадованная армія прибытіемъ своего монарха еще болѣе укрѣпилась въ духѣ военномъ, и мы всѣ тогда нетерпѣливо хотѣли, чтобы государь самъ принялъ команду или бы далъ намъ Кутузова. Но злой геній, управлявшій тогда симъ государемъ, внушилъ ему столь великую довѣренность къ проклятому Бенигсену, что онъ оставилъ его опять нашимъ главнокомандующимъ и, осмотрѣвъ нашъ авангардъ, бывшій подъ начальствомъ безцѣннаго героя князя Петра Ивановича Багратіона, въ первыхъ числахъ Мая оставилъ армію. Всѣ старанія при семъ сего монарха къ обращенію Австріи на театръ войны остались безуспѣшны, и Францъ I-й дорого заплатилъ впослѣдствіи за упущеніе сего славнаго и полезнаго его соединенія съ нами въ сіе побѣдоносное время.

Между тѣмъ Бенигсенъ, получа донесеніе Каменскаго о невозможности спасти Данцигъ, и опасаясь новаго усиленія Наполеоновои арміи корпусомъ маршала Лефевра, къ которой и такъ уже подошли сильныя подкрѣпленія, даже и испанскій 10 тысячный корпусъ, генерала Деларомани, рѣшился самъ атаковать его. Имѣя свѣдѣнія, что французскій корпусъ маршала Нея довольно отдаленъ отъ своей арміи и занимаетъ Гудштадъ, Бенигсенъ даетъ повелѣніе князю Багратіону съ авангардомъ атаковать маршала Нея, но для соразмѣрности силъ нашихъ противъ непріятельскихъ, даетъ повелѣніе генералу Сакену (что нынѣ графъ и фельдмаршалъ) съ его корпусомъ идти въ команду къ Багратіону. Багратіонъ, увѣдомленный о семъ усиленіи, атакуеть стремительно Нея при Гудштадѣ и тутъ завязалась сильная свалка, но

какъ Сакенъ медленно шелъ и даже сдѣлалъ на дорогѣ привалъ, то маршалъ Ней, имѣя время получить подкрѣпленіе отъ ближнихъ къ нему войскъ сталъ несравненно сильнѣе Багратіона и принудилъ его помышлять о своемъ спасеніи; между тѣмъ, Багратіонъ, посылая адъютанта за адъютантомъ къ Сакену, чтобы сей спѣшилъ къ нему, и видя что онъ не идетъ, принужденъ былъ отступить, но и тутъ искуснѣйшимъ образомъ умѣлъ навести Наполеона на Гейльсбергскія укрѣпленія, гдѣ и пощелкала его наша армія 24-го и 25-го Мая. Въ то время, когда Багратіонъ былъ въ полномъ отступленіи, явился къ нему и Сакенъ; говорятъ, что въ пылу гнѣва князь едва не закололъ его.

Князь Багратіонъ требовалъ судить Сакена и на него нарядили военный судъ, но по похвальному обыкновенію царствованія Александра I-го, когда самые величайшіе преступники оставались безъ наказанія, и Сакенъ былъ оправданъ.

Наполеонъ, атакуя нашу армію при Гейльсбергѣ и, видя непреодолимость сей позиціи, рѣшился угрожаніемъ флангамъ нашихъ принудить слабого умомъ Бенигсена оставить оную, въ чемъ и успѣлъ совершенно. Бенигсенъ потянулся къ Фридланду, и Наполеонъ разбитый при Гейльсбергѣ и потерявъ тамъ болѣе 10 тысячъ, преслѣдовалъ его туда же. Здѣсь предъ незначительнымъ городкомъ Фридландомъ 2-го Іюня послѣдовала та битва, слѣдствіемъ которой былъ постыдный миръ Тильзитскій, изнурившій Россію запрещеніемъ торговли въ теченіе 5 лѣтъ, войною шведскою, потерю всего флота, въ Архипелагѣ бывшаго, и иго милліонной контрибуціи. Я рѣшусь сказать о сей битвѣ нѣсколько словъ, слышанныхъ мною отъ очевидцевъ и участниковъ оной. Съ ранняго утра Наполеонъ учинилъ атаку, но былъ отбитъ на всѣхъ пунктахъ и до второго часа пополудни побѣда оставалась на сторонѣ нашей; день былъ жаркій; Наполеонъ, желая дать отдыхъ своимъ войскамъ и сосредоточить ихъ на одинъ пунктъ, прекратилъ въ сіе время атаку. Бейнигсенъ поѣхалъ въ городъ объѣдать, корпусные генералы тоже, а войскамъ приказали, состави ружья, послать въ городъ за винной и мясной порціей; такимъ образомъ армія осталась въ совершенной безопасности. Въ 4 часа Наполеонъ пользуясь мѣстомъ подъ покровительствомъ лѣса, сосредоточилъ свои колонны противу нашего центра, вдругъ открылъ пушечную пальбу по нашимъ линіямъ, которою разбивая составленныя ружья на дальнѣе разстояніе, поражалъ кучи сидѣвшихъ солдатъ и произвелъ тѣмъ страшную суматоху; офицеры наши, вскоча, закричали: „къ ружью!“ Солдаты бросились къ

онимъ, но летавшія ядра попадая въ ихъ кучи, произвели страшное замѣшательство; въ то же время французскія колонны, со свойственною имъ быстротою, поспѣшали къ замѣшавшемуся нашему центру арміи, будучи усилены кавалеріею, которая было понеслась впередъ. Артиллерія наша не успѣла сдѣлать выстрѣла, какъ французы были уже близъ батарей, и войска нашего центра бросились назадъ. Гвардія наша, бывшая въ резервъ столь же быстро побѣжала, ибо и ея всѣ начальники были въ городѣ; наши фланги арміи, которые хотя также были атакованы, но имѣя начальниковъ удержались, а видя разорваннымъ центръ свой, начали отступать, при чемъ особенно подвергся опасности лѣвый нашъ флангъ, предводимый генераломъ Доктуровымъ, которому надлежало переходить рѣку по найденному имъ броду, но искуснымъ маневромъ и жестокимъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи, Доктуровъ нанесъ непріятелю весьма значительный уронъ, заставля французовъ остановиться. Слѣдовало бы Бенигсена перваго судить, но его только удалили отъ команды и то послѣ мира, а изъ всѣхъ генераловъ только наказаны генералы: Малютинъ и Леонтій Депрерадовичъ, если отставка можетъ быть наказаніемъ симъ подлымъ людямъ.

Въ сіе сраженіе армія наша потеряла 20 тысячъ ранеными, и убитыхъ, и плѣнныхъ и болѣе 150 орудій, но со всѣмъ тѣмъ въ ней осталась до 60 тысячъ и къ ней поспѣшила новая дивизія князя Лобанова. Но Александръ I-й столь ужаснулся сего пораженія, что вскорѣ, увидясь съ Наполеономъ, на плоту, среди Нѣмана, заключилъ постыдный миръ въ Тильзитѣ.

Глава V.

Возвращеніе въ полкъ.

Въ предыдущей главѣ было показано, что я по полученіи паспорта отъ генерала барона Маркловскаго выѣхалъ изъ Юрбурга въ городъ Ковно, лежащій на самомъ берегу Нѣмана: онъ невеликъ, но строеніемъ хорошъ, а мѣстоположеніе его прелестно. Здѣсь слѣдуетъ сказать, что здѣсь варится медъ наилучшаго вкуса, но и весьма крѣпкій, онъ извѣстенъ вездѣ подъ именемъ Ковенскаго. Изъ Ковно пріѣхавъ въ городъ Вильну, столицу, такъ сказать, Литовскаго края, я остановился въ немъ на нѣсколько дней для полученія слѣдовавшаго мнѣ жалованія отъ находящагося здѣсь генераль интendanта арміи князя Волконскаго и, получа оное, пробывъ дня три, пустился въ даль-

нѣйшій путь. Изъ Вильны я ѣхалъ порой въ полѣсской телѣжкѣ, едва помѣщавшей меня и дѣлавшей сей вояжъ очень безпокойнымъ, тѣмъ болѣе, что и раны мои едва закрываться стали; пріѣхавъ въ Оршу, я долженъ былъ остановиться для отдыха, чувствуя чрезвычайную въ себѣ слабость и не имѣя для отдыха своего даже и порядочной постели, ибо ѣхавши изъ столь труднаго похода, откуда ее и имѣть мнѣ было. Въ Оршѣ къ несчастью занемогъ у меня человекъ, и такъ я еще и для него долженъ былъ пробыть нѣкоторое время. Здѣсь я часто хаживалъ на Днѣпръ и любилъ сидѣть на большомъ камнѣ изъ него выдавшемся, предъ самымъ опустѣвшимъ іезуитскимъ монастыремъ; я чувствовалъ къ сей величественной рѣкѣ особенную какую то привязанность, быть можетъ и потому, что я на берегахъ ея узрѣлъ здѣшній свѣтъ; мнѣ казалось, что ея виды были сильнѣе другихъ рѣкъ, теченіе величественнѣе и она прекраснѣе, однимъ словомъ, я просиживалъ у нея по нѣскольку часовъ, предаваясь сладостной задумчивости. Орша небольшой, но довольно пріятный городокъ, изъ котораго, выѣхавъ черезъ Красный, пріѣхалъ я въ Смоленскъ древній городъ Матушки Россіи; прекрасное строеніе его, великолѣпныя палаты, вросшія въ землю отъ многихъ вѣковъ храмъ смоленскій; все сіе привлекало жадные мои взоры.

Толпы ликующаго и разряженнаго народа, множество экипажей, ѣхавшихъ отъ древняго собора, гдѣ въ сей день праздновали образу Смоленской Богородицы, были предметы для меня прелестные, послѣ военныхъ предметовъ! Здѣсь остановился я въ домѣ гостепріимнаго городского маклера, который по врожденному русскимъ радушію очень заботился о угощеніи израненнаго воина. Пробывъ въ семь прекрасномъ городѣ цѣлый день, я выѣхалъ изъ онаго, вовсе не помышляя, что сей прекрасный нашъ городъ черезъ пять лѣтъ будетъ сравненъ съ землею, и что тысячи его счастливыхъ тогда обитателей будутъ, лишенные крова, скитаться по Россіи, испрашивая себѣ великодушной помощи, въ чемъ жестокое правительство имъ отказало или, давъ малѣйшую часть, не устранило грабежа алчныхъ чиновниковъ! Подлинно жизнь сія есть море напастей, воздвигаемое бурей! Кто бы могъ подумать въ 1805 году, что Аустерлицкое сраженіе, предначатое Александромъ I-мъ по его своеправію, будетъ стоять толикихъ слезъ и крови любезному отечеству нашему? Что его ненавистное упорство противъ Кутузова въ 1801-мъ году повлечетъ за собой 1812-й годъ, столько бѣдствій причинившій Россіи? Не Барклаю-де-Толли, слабому и не знавшему вождю, избранному Александромъ I-мъ, но герою Смоленскому Кутузову, избранному Богомъ и отечествомъ, надлежало быть спасителемъ Россіи.

Изъ Смоленска выѣхавъ, проѣзжалъ я города Дорогобужъ, Вязьму, города очень хорошіе хотя и небольшіе, но богатые; изъ нихъ первый расположенъ на горѣ и дѣлаетъ своими каменными церквами и зданіями прекрасный видъ; второй замѣчательнъ своею древностію и богатствомъ жителей, и въ которомъ большая часть каменнаго строенія, но расположенъ оный на низменномъ мѣстѣ, и сіи оба прелестные городки истреблены въ 1812-мъ году. Послѣ оныхъ проѣзжалъ я Калугу, Алексинъ, Тулу, Епифанъ, Скопинъ, Ряжскъ и Сапожокъ и наконецъ пріѣхалъ Тамбовской губерніи Шацкого уѣзда въ село Подсосенки, гдѣ тогда покойная мать моя имѣла свое пребываніе. Я не успѣлъ осмотрѣться, какъ на другой день получилъ жестокую горячку, слѣдствіе трудовъ военныхъ и безпокойнаго путешествія въ 2000 верстъ! Я былъ въ отчаянномъ положеніи и меня сочли за нужное пріобщить уже Святыхъ Таинъ. Я помню и теперь, что, когда меня привели въ чувство, и я увидѣлъ входящаго ко мнѣ священника съ чашею примиренія, которая несена была изъ церкви, гдѣ въ сіе время служили обѣдню, то Всеблагій Богъ даровалъ мнѣ столько вѣры, что я всталъ и сказалъ: „стою ли я этого?“ и съ чувствомъ пріобщился Святѣйшаго примирительнаго Тѣла и Крови возлюбленнаго Спасителя нашего и послѣ сего уснулъ. Сонъ произвелъ во мнѣ потъ, и я, получа облегченіе, началъ выздоравливать. Въ сей болѣзни я видѣлъ внимательное къ себѣ расположеніе покойной моей матери, и за сіе не могли еще ходить, велѣлъ себя принести съ постелью къ ногамъ ея для изъясненія ей моей благодарности. Оправясь совершенно, я помышлялъ объ отправленіи моемъ въ полкъ, ибо сестры мои, виновницы всего неустройства нашего семейства, столь же были расположены ко мнѣ, какъ и прежде, изъ одного желанія корысти и любостыжанія, примѣръ поучительный для корыстолюбцевъ, ибо изъ ихъ поведенія видно, что сердца одержимыя сею болѣзнію тверже самаго металла.

Покойная мать моя, желая провести зиму въ Тулѣ для своего удовольствія, сама поѣхала вмѣстѣ со мною. Итакъ мы въ началѣ Сентября, большимъ количествомъ экипажей, ибо и сестры тутъ же ѣхали, пустились въ путешествіе, намѣриваясь по волѣ покойной матери моей заѣхать поклониться мощамъ архіерея Тихона, въ Задонскѣ почивающимъ. На пути семь проѣзжали мы четыре города, изъ нихъ первый *Липецкъ*, славящійся своими минеральными водами; онъ начиналъ тогда улучшаться отъ множества посѣтителей, но я замѣтилъ здѣсь одну только любопытную вещь—плотину, строенную Петромъ Великимъ: она чрезвычайно прочна, какъ и всѣ его учрежденія, ширины она необыкновенной и сдѣлана превосходно.

Задонскъ—небольшой городокъ Воронежской губерніи, но строеніа въ немъ есть прекраснѣйшія и онъ годъ отъ году приходитъ въ лучшее положеніе отъ множества прѣзжающихъ и приходящихъ на поклоненіе св. Тихону. Люди столь суевѣрные, что несмотря даже и на то, что сей покойный архіерей (впрочемъ мужъ знаменитый своими сочиненіями и гоненіями) не причисленъ къ лику святыхъ и самымъ духовенствомъ, толпами идутъ и ѣдутъ сюда. Но что пользы въ этомъ? Надлежало бы по примѣру Тихона исправить свою нравственность его посѣтителемъ и просить о семъ того верховнаго нашего Благодѣтеля, безъ котораго помощи и Тихонъ не могъ бы быть тѣмъ, чѣмъ былъ и умолять Господа Искупителя нашего, да дастъ Онъ намъ сердце сокрушенно и смиренно!—Святыхъ уважать и подражать имъ должно, но при семъ всегда должно помнить, что и имъ всѣ блага далъ Богъ, а не они сами собою стали совершенными, помня слова св. апостола Павла: „кто Павелъ? кто Аполлосъ, они только служители, посредствомъ которыхъ вы увѣровали и при томъ поколику каждому далъ Господь. Я посадилъ, Аполлосъ поливалъ, а выростилъ Богъ!“ (Къ Коринѳянамъ I-го посл. гл. III-я стих. 5 и 6-й). Устремлять мысли свои къ Единому всего Подателю Самъ Спаситель нашъ повелѣлъ намъ знать и кланяться „Единому Богу и Имъ посланному Иисусу Христу“.*) Слѣдовательно это видно и спасетъ насъ, да и церковь наша поетъ: „Достойно и праведно есть покланяться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троицѣ Единосущной и Нераздѣльной“. За предѣлами гроба не избавятъ насъ отъ наказанія сіи суетныя путешествія, если мы не исправились въ своей нравственности; ты хочешь ѣхать на поклоненіе въ какой либо монастырь? собери лучше тѣ деньги, которыя издержалъ бы на сіе, отдай ихъ нуждающимся и оставаясь дома молись Тому, Который иже вездѣ съи. Или мы уже глухи стали къ глаголу вѣчной истины, научившей насъ, „что истинные поклонники будутъ покланяться Отцу въ духѣ истиннѣ“ (Іоанна гл. IV-я ст. 21-й и 22 и 23-й) или мы уже не тѣ христіане, которыхъ великій апостоль Христовъ Павелъ училъ, что самовольное служеніе и изнуреніе тѣла только удовлетворяетъ плоти, но пользы не приноситъ (смотри къ Колосс. посл. гл. II ст. 23-й и многія мѣста всего Новаго Завѣта). Ахъ, какъ мы отдѣлились единства церкви Христовой, для чего мы оставляемъ единый, истинный источникъ и копаемъ себѣ колодези каждый по своему вкусу? „Меня оставиша источника воды живыя и ископаша себѣ кладези“! говоритъ Господь—будемъ просить Господа, чтобы Онъ явилъ намъ милость свою, утверждая насъ на пути

*) Иоанна гл. XVII-я ст. 3-й.

истинномъ и Ему благоугодномъ, избавляя насъ отъ всѣхъ лицемерныхъ и суевѣрныхъ дѣйствій и надеждъ.

Козловъ городъ очень хорошій и довольно обширный; это складочный магазинъ для большой половины обширной Тамбовской губерніи, и здѣсь видѣлъ я невѣроятное множество дынь и арбузовъ, родящихся въ полѣ въ окрестностяхъ сего города и за которые здѣсь платятъ весьма дешево, напримѣръ: двѣ дыни денежка, арбузъ довольно большой— 2 копейки, но вкусъ сихъ плодовъ очень посредственный и вовсе не можетъ сравниться со вкусомъ родящихся у насъ въ парникахъ.

Раненбургъ, (Рязанской губерніи), имѣющій довольно хорошее строеніе и расположенъ на горѣ; онъ замѣчателенъ болѣе потому, что здѣсь въ царствованіе Елизаветы I-й содержался Іоаннъ Антоновичъ, назначенный отъ Анны Грозной императоромъ Россійскимъ, но сверженный съ престола въ самомъ еще малолѣтствѣ. Онъ былъ сынъ герцога Ульриха Брауншвейскаго и принцессы Анны племянницы Грозной. Развалины крѣпостцы, гдѣ содержался Іоаннъ, еще существуютъ, и любопытный путешественникъ можетъ на ея развалинахъ мечтать о прочности земного величія. Сей городокъ напоминаетъ собою и знаменитаго нѣкогда князя Меншикова обладателя сего города и окрестныхъ сель, гдѣ онъ во времена своего могущества отдыхалъ иногда отъ трудовъ своихъ, и украсилъ его окрестности, коная пруды и дѣлая плотины, которые теперь время почти совсѣмъ уничтожило.

Представя себѣ Іоанна и Меншикова, здѣсь бывшихъ, нельзя не сказать, что сей городъ можетъ служить поученіемъ для насъ, хотя и безмолвнымъ, но не менѣе того краснорѣчивымъ.

Пріѣхавъ въ Тулу и по кратковременномъ отдыхѣ, я 6-го октября выѣхалъ къ своему полку, стоявшему въ городѣ Вилейкѣ Минской губерніи, какъ извѣстилъ меня Тульскій губераторъ.

При семъ отъѣздѣ покойная мать моя просталась со мною нѣжнѣйшимъ образомъ и сіе воспоминаніе навсегда останется въ благодарномъ моемъ сердцѣ. Изъ Тулы я ѣхалъ на города: Алексинъ, Калугу, Юхновъ, Вязму, Дорогобужъ, Смоленскъ, Оршу и Борисовъ; пріѣхавъ въ Вилейку, и не нашедъ здѣсь полка, я долженъ былъ написать о семъ Минскому губернатору Корнѣеву, прося его извѣстить меня, гдѣ Могилевскій полкъ находится? Въ семъ ожиданіи остался я въ Вилейкѣ и занялъ квартиру у отставнаго флота капитанъ-лейтенанта Алексѣя

Петровича Слизова, одного русскаго въ семь польскомъ городкѣ живущаго. Радужный мой хозяинъ обходился со мною какъ родной, угощалъ меня славно, ибо имѣлъ въ окрестности сего города 200 душъ, отцу его, храброму контръ-адмиралу за Шведскую войну Екатериною II-й пожалованные. Здѣсь я прожилъ болѣе двухъ недѣль и ласкою добраго хозяина не могу нахвалиться. Сей городъ имѣетъ прекрасную военную для обороны позицію, будучи расположенъ на крутомъ берегу рѣки Вилейки, но самъ по себѣ очень дурень и худо выстроенъ. Получа отъ губернатора отвѣтъ, что полкъ мой стоитъ въ Полоцкѣ, я пустился въ оный проселочною дорогою на городъ Десну, но пріѣхавъ въ Полоцкъ не нашелъ и здѣсь своего полка, но зато вѣрно узналъ уже, что оный стоитъ въ Витебскѣ, куда я вскорѣ и пріѣхалъ. При семъ долженъ сказать, что я изъ Юрбурга до Шацка и отъ Шацка до Витебска ѣхалъ на свой счетъ, ибо тогда и раненымъ прогоновъ не давали. Итакъ моя рана, полученная за отечество на полѣ брани, сверхъ убытка для моего здоровья, стоитъ мнѣ болѣе 700 рублей. Гдѣ справедливость правительства? но тогда все шло криво, теперь же раненымъ выдаютъ прогоны и лѣчатъ ихъ на казенный счетъ.

Глава VI.

Второй военный походъ къ шведской границѣ.

Прибывъ въ полкъ, я нашелъ, что полкомъ нашимъ командуетъ подполковникъ Обуховъ, и шефомъ назначенъ къ намъ генераль майоръ Пассекъ. Въ Витебскѣ я нашелъ главнокомандующаго своего генерала графа Буксгедена и, бывъ одинъ разъ дежурнымъ по полку, и пришедъ къ нему я нашелъ его читающаго календарь! Занятіе достойное того, кому Александръ I-й ввѣрилъ армию, но сей читатель мѣсяцелова вскорѣ отъ насъ уѣхалъ.

Недолго отдыхалъ я, ибо въ исходѣ декабря мы выступили въ походъ въ Петербургъ и слѣдовали на города: Городокъ, Невель, Великія Луки, гдѣ пріѣхалъ новый шефъ къ намъ, глупый и алчный генераль майоръ Булатовъ (имѣвшій впоследствии великое вліяніе на судьбу мою) черезъ Порховъ, Лугу, Гатчино и Царское Село. Проходя оба послѣднія мѣста, я встрѣчалъ ихъ какъ давно знакомыхъ друзей и мечталъ возвратиться во времена моего счастья, когда, бывъ извѣстенъ царю, я наслаждался счастіемъ лѣтъ юности беззаботной. Въ Петербургъ мы вошли вечеромъ 26-го января 1808-года и, проходя его великолѣпными улицами, остановились на Выборгской сторонѣ.

На другой день я ѣздилъ къ знакомымъ своимъ Ивановымъ, гдѣ провелъ весь день, свидаясь съ ними черезъ 6 лѣтъ. На другой день по утру смотрѣлъ полкъ нашъ императоръ Александръ I-й и былъ недоволенъ выправкою людей и церемоніальнымъ маршемъ, не помысля, что у насъ въ полку было болѣе 1200 человекъ ратниковъ изъ распущенной милиціи. Въ сей день, выступя изъ сѣверной нашей столицы, мы послѣдовали къ бывшей нашей Шведской границѣ въ кирштель. *Соуминеми* (кирштель есть селеніе, гдѣ есть лютеранская кирка; оно соотвѣтствуетъ нашему селу, но не пространствомъ, ибо при киркѣ бываетъ двора по два), гдѣ и остановились до 20-го февраля, и я жилъ здѣсь въ самой скверной, курной избѣ, гдѣ вмѣстѣ были со мною и хозяйская скотина, ибо ее выгонять было не велѣно. Здѣсь объявленъ намъ императорскій приказъ, что мы, въ числѣ 4-хъ дивизій составляя армію, поступаемъ въ начальство генерала графа Буксгевдена и предназначены для завоеванія шведской Финляндіи; что сему главному начальнику дается власть: рядовыхъ лишать жизни, а офицеровъ разжаловать въ солдаты въ случаѣ вины ихъ, не донося о семъ государю. Всеобщее омерзѣніе было отвѣтомъ на сію прокламацію, ибо всѣ вообще ненавидѣли Буксгевдена за его временное начальство въ прошлую войну и за его жестокость.

Теперь обратимъ взоръ на край, куда судьба привлекла меня; мрачный лѣсъ, камни ужасной величины и пропасти, между которыми тамъ и сямъ раскиданы бѣдные крестьянскіе дворы, и то весьма рѣдко, представились изумленному моему взору на всемъ семъ пространствѣ отъ самаго почти Петербурга, на разстояніи слишкомъ 200 верстъ. Здѣсь ничего порядочнаго достать было нельзя! Нечистота жителей и ихъ жилищъ отвратительна; однимъ словомъ, это самый скверный, скучный и мрачный край, который казалось недавно еще выщелъ изъ-подъ вѣчныхъ водъ и населенъ преступниками, изгнанными изъ государствъ образованныхъ.

Среди сего хаоса *Выборгъ* показался мнѣ прекраснѣйшимъ городомъ, но онъ и въ самомъ дѣлѣ таковъ; вмѣщая въ себѣ прекрасные каменные дома и имѣя все, не только нужное, въ изобиліи, но и къ роскоши служащее. Онъ особенно славится кренделями, которые и въ самомъ дѣлѣ безподобнаго вкуса и извѣстны въ Петербургѣ подъ собственнымъ названіемъ Выборгскихъ кренделей. Въ отношеніи военномъ онъ считается и есть первоклассная крѣпость, могущая выдержать долговременную осаду большой арміи и флота; но безъ сего послѣдняго онъ неприступенъ, стоя на берегу Финского залива, который былъ

въ сіе время окованъ свирѣпою полярною зимою. Здѣсь я былъ угощаемъ братомъ моего поручика Плеханова, и слыша отъ него о томъ краѣ, куда шли, запасся я здѣсь всякою провизією и особенно кофеемъ, столь нужнымъ въ семъ хладномъ зимою и сыромъ лѣтомъ краю. Далѣе проходили мы маленькій городокъ и крѣпостцу Виль-Монстрантъ близъ нашей бывшей границы, лежащіе при озерѣ Сайма, на которомъ была при насъ и гребная флотилія и крѣпости для защиты оной. Сія крѣпостца и другія лежащія на линіи ея какъ то: Давыдовъ, и Кюменгордъ построены по плану и подъ надзоромъ великаго Суворова знаменитаго князя Италійскаго. Предъ Сауминему проходили мы и кирку Савитайполь, столь извѣстную въ нашей военной исторіи пораженіемъ принца Ангальта брата Екатерины II-й. Сраженіе сіе было при большомъ мостѣ, лежащемъ ниже озера Куолимо, гдѣ съ обѣихъ сторонъ нашихъ и шведовъ легло тысячи, а мы проходили сей мостъ въ совершенной тишинѣ и только у немногихъ изъ насъ одна мысль оживляла подвиги минувшаго вѣка. Послѣ сего не жалки ли люди, которые думаютъ кровополитіемъ купить для себя славу, столь скоро забываемую и такъ, что даже и могилъ храбрыхъ вовсе уже не видно, ибо ни одинъ памятникъ не оживляетъ ихъ! Вскорѣ, вскорѣ и наша кровь полетсяя рѣками на сушѣ и водахъ и то же забвеніе грозитъ и тѣмъ, кого судьба обрекла быть жертвою войны сей, самой несправедливой, какою когда либо предпринимала Россію.

При семъ слѣдуетъ замѣтить, что я въ Петербургѣ получилъ за сраженіе 3-го мая 1807-го года при Вейсфельмюндѣ орденскую шпагу, малую награду за мое рвеніе, и въ Виль-Монстрандѣ получилъ приказъ, которымъ произведенъ я въ капитаны.

Глава VII.

Заграничный военный походъ и сраженія до 1-го мая 1808-го года или до окончанія первой компаніи.

Простоявъ въ скучной и мрачной Сауминему въ ожиданіи движенія главнаго корпуса нашей арміи, пошедшаго по берегу Финскаго залива къ Ловизѣ и Швортгольму и далѣе къ городу Борго, близъ двухъ недѣль; мы наконецъ 20-го февраля того 1808-го года выступили за границу и послѣдовали своей колонной къ киркѣ Сантъ-Христино, а потомъ и въ Сантъ-Михель маленькій городокъ, гдѣ было шведское депо для пѣхоты и гребный флотъ; послѣдній шведы сожгли, оставя намъ болѣе 50

орудій артиллеріи большого калибра и всё чугуныя, а депо, не успѣвъ вывезти многія прекрасныя вещи, намъ оставили. Здѣсь просто-яли мы нѣсколько дней въ ожиданіи движенія главной колонны нашей, 5 дивизіи подъ начальствомъ генералъ лейтенанта Тучкова, слѣдовавшаго изъ городка Нейшлота на кирку Іорсисъ. Тучковъ, приближаясь къ укрѣпленному городу Варкаусу, почель нужнымъ вмѣсто прямого слѣдованія нашего на городъ Куапо, притянуть насъ къ себѣ, почему оставя въ Сантъ-Михелѣ роту мою подъ начальствомъ штабъ-капитана Юнія, а меня взявъ съ собою, генералъ майоръ Булатовъ начальникъ нашей колонны пошелъ черезъ кирку Іокасъ въ Іорсисъ, гдѣ и соединились мы съ своею дивизіею, Здѣсь слѣдуетъ сказать, что наша колонна до соединенія съ Тучковымъ, состояла изъ нашего и Пермскаго полковъ, 2 ротъ Выборскаго гарнизона подъ начальствомъ ихъ подполковника Дункера, эскадрона Гродненскихъ гусаръ, 100 казаковъ и 12 орудій легкой артиллеріи. Изъ Іорсиса выступили мы всей дивизіей черезъ деревеньку Куванси къ Варкгаузу, занятому непріателемъ подъ начальствомъ генерала графа Кронштета; сіе укрѣпленное природою и искусствомъ мѣсто, лежащее между двухъ озеръ, не представляло иного способа къ взятію силою, какъ дѣйствовать по льду во фланги онаго, а слѣдственно и подвергнуть себя большой потерѣ на столь открытыхъ мѣстахъ при влѣзаніи, можно сказать, на скалы онаго. Но Тучковъ рѣшился на сіе и сдѣлалъ уже диспозицію къ атакѣ, какъ Кронштеть, имѣя немного войска, рѣшился взорвать пороховой магазинъ и ночью отступить; взрывъ сей, послѣдовавшій предъ разсвѣтомъ когда шведы давно уже ушли, былъ сигналомъ для нашего вступленія въ Варкгаузъ, куда мы и вступили при первыхъ лучахъ солнца. Взорру нашему при входѣ въ оный представлялся утесъ, покрытый болѣе нежели 40 орудіями, которыя непріатель тутъ оставилъ; сей утесъ или каменная скала имѣетъ на себѣ довольно хорошее чистое и опрятное строеніе которое и вмѣщало жителей до 2500 душъ. Здѣсь была верфь для строенія гребныхъ судовъ на большомъ озерѣ Лимавеси, сливающимся съ другими и простирающимися до самого Вильманстранта и Нейшлота. Здѣсь мы получили также въ военную добычу болѣе 80 орудій морской артиллеріи, бывшей на судахъ, кои всё сожжены шведами. Изъ Варкгауза послѣдовали мы къ киркѣ Липавирта, гдѣ произошла первая перестрѣлка нашего авангарда подъ начальствомъ генерала Гарнаульта со шведами. Отсюда двинулись мы къ городу Куопіо, подъ которымъ послѣдовало сраженіе нашего, до 3000 простиравшагося авангарда съ шведскимъ аріергардомъ, состоявшимъ изъ 700 челѣвкъ съ 8 пушками, Здѣсь замѣчу только, что Булатовъ въ сей день командовавшій нашимъ авангардомъ, имѣя втрое болѣе войска и

выгоду мѣста на своей сторонѣ, не умѣлъ отрѣзать непріятельскаго арьергарда и отбить прикрываемаго симъ послѣднимъ транспорта, стоившаго болѣе 100 тысячъ рублей. Наконецъ послѣ сраженія, болѣе 4 часовъ продолжавшагося, непріятель былъ разбитъ и преслѣдованъ къ селенію Тайвола, а мы вступили въ городъ къ вечеру.

Удивительно, что и генераль Тучковъ не воспользовался опытомъ прошлой войны и, имѣя всю дивизію подъ рукой, не подавилъ всею массою шведскаго арьергарда, чѣмъ бы, пріобрѣтя себѣ честь уничтоженіемъ онаго и большимъ плѣномъ, поразилъ бы ужасомъ жителей Куопіо, что особенно было намъ нужно, и сверхъ сего отъ быстроты натиска мы бы и менѣе потеряли людей. Странно то, что наши генералы будто слѣпые бродили ощупью, какъ бы не вѣдая великаго военнаго правила: бить непріятеля, устремляя превосходныя силы на слабый пунктъ онаго. Занявъ Куопіо, мы съ отрядомъ, составленнымъ изъ полковъ нашего и Пермскаго, 8 орудій артиллеріи, эскадрона Гродненскихъ гусаръ и 40 казаковъ, остались въ ономъ, Тучковъ съ полками Сѣвскимъ и Калужскимъ, 23 и 24 Егерскими, 16 орудіями артиллеріи и съ нѣсколькими эскадронами гусаръ и сотнею казаковъ потянулись на киршпель Индесальмы къ городу Брахештадту. Здѣсь замѣчу вторую ошибку Тучкова, который долженствовалъ всею дивизіею идти съ быстротой къ селенію Пипола и тамъ раздѣляясь съ нами, самому ему слѣдовало идти на Франсило и Лимонго, а нашей колоннѣ на Павола Револаксъ и Сикаіоки, каковымъ движеніемъ угрожая флангу и тылу непріятельскаго корпуса, у Сикаіокъ и Лиманго расположеннаго, заставилъ бы его отступить изъ сей крѣпкой позиціи, но вмѣсто сего совокупнаго дѣйствія, оставя насъ, Богъ знаетъ для чего въ Куопіо, самопроизвольно обезсиля себя, тѣмъ самымъ не только спасъ шведовъ, но и далъ имъ время даже къ побѣдамъ, какъ увидимъ ниже сего. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о томъ мѣстѣ, въ которомъ мы простояли до исхода марта мѣсяца. Городъ Куопіо, главный во всей Кареліи, лежитъ на ровномъ и низкомъ берегу огромнаго озера Калла-Веси и въ близкомъ разстояніи отъ другого Реко-Веси и содержитъ въ себѣ жителей до 5 тысячъ; строеніе въ немъ, исключая двухъ или трехъ каменныхъ, все деревянное, но очень хорошее и, по большей части, двухэтажное. Торгъ сего города по здѣшнему краю обширный, ибо получая изъ приморскихъ городовъ: Гамле и Никарлеби, Брахештадта и другихъ разные товары и произведенія земель чужестранныхъ, снабжаетъ ими всю Карелію и Саволаксъ, къ чему водное сообщеніе, при которыхъ стоитъ онъ, много способствуетъ облегчая ему сношеніе съ семи внутренними и углубленными въ лѣсахъ

непроходимыхъ провинціями. Здѣсь въ лавкахъ можно все найти и при томъ по цѣнамъ очень умѣреннымъ; серебрянники и другіе мастера находятся здѣсь въ довольномъ количествѣ, и я самъ заказывалъ здѣсь чайныя ложечки, которыя и теперь еще цѣлы и сдѣланы очень искусно. Городская площадь, окруженная двухэтажными домами, театромъ, редутомъ и кофейнымъ домомъ или рестораціею, очень и очень порядочна, особенно для сего отдаленнаго края. Пользуясь временными выгодами, мы здѣсь отдохнули отъ понесенныхъ нами трудовъ во время зимнихъ походовъ отъ Петербурга до Куоціо на разстояніи болѣе 500 верстъ. Я не стану описывать почти невѣроятнаго труда оныхъ, но скажу только, что въ сіе время, то есть съ 20-го Февраля по половину Марта морозы восходили до 35 градусовъ по термометру Реомюра, а мы въ сіе время на открытыхъ озерахъ при сильномъ рѣзкомъ вѣтрѣ (ибо дорогами въ сіе время не ходятъ отъ множества снѣга, а обходятъ по льду озеръ и рѣкъ) бывали въ маршѣ по 5 часовъ и болѣе въ однихъ шинеляхъ сверхъ сюртуковъ. Здѣсь я удостовѣрился, что нѣтъ трудовъ, которыхъ бы человекъ вынести былъ не въ состояніи. Всѣ бывшія прежде сего и потомъ во все воинственное правленіе Александра I-го, войны ни одна по трудностямъ своимъ не можетъ сравниться съ сею войною, припомня еще и то, что мы по временамъ и голодъ переносили отъ малаго населенія нашей Финляндіи и бывшей шведской, гдѣ непріятель, отступая, старался истребить всѣ способы къ нашему продовольствію. Наконецъ по занятіи Тучковымъ города Брахештадта, и мы получили отъ него повелѣніе идти къ киркѣ Франсила и Лиманго, куда выступивъ, слѣдовала наша колонна на Индесальмы до селенія Ниссилле, гдѣ, отдѣля три роты нашего второго батальона съ 4 орудіями подъ начальствомъ подполковника Обухова для занятія города Калны, вправѣ отъ насъ лежащаго, мы послѣдовали на кирку Пулькало, откуда генераль Булатовъ послалъ меня къ селенію Маттиля командовать авалпостами, давъ мнѣ 60 человекъ рядовыхъ съ двумя офицерами пѣхоты и 10 казаковъ. Само собой разумѣется, что сія служба, лѣтя моему самолюбію, была сопряжена съ особенными трудами и заботами, а потомъ и съ нѣкоторою опасностью, когда я въ ночь на 7-е апрѣля узналъ отъ присланнаго ко мнѣ шпиона, что противъ меня въ селеніи Косяки стоятъ 400 шведскихъ егерей и нѣсколько драгунъ. Получа сіе свѣдѣніе, я укрѣпилъ свою позицію шанцами вырытыми изъ снѣгу и обливъ ихъ водой, отъ которой покрывшись льдомъ получили они крѣпость, могущую дать намъ средство къ защитѣ въ случаѣ нападенія сильнаго непріятели. Сіе, впрочемъ странное, но мѣстному положенію и климату сообразное, а по отдаленію нашему на 12 верстъ отъ отряда, и спасительное средство обез-

печило меня совершенно; сіе тѣмъ болѣе нужно было, что въ сію ночь непріятель учинилъ нападеніе на мои разѣзды и убилъ одного казака, а другого смертельно ранилъ, но не послѣдовалъ однако далѣе ко мнѣ.

Въ семъ положеніи простоялъ я до 10-го Апрѣля, ибо и Булатовъ получа вѣрное извѣстіе; что кирка Франсилъ занята превосходными силами шведскими, не рѣшался идти впередъ, не получа точнаго на сіе повелѣнія отъ Тучкова. 10-го рано поутру получилъ я предписаніе отъ Булатова выступить немедленно обратно къ отряду послѣдовавшему, по кратчайшей дорогѣ на кирку Виханда для соединенія съ Тучковымъ, который занявъ Брахештадтъ не могъ выбить шведовъ изъ ихъ позиціи при Сикаіонахъ, и чувствовалъ самъ нужду въ подкрѣпленіи; и такъ неправильное распоряженіе своего начальника мы уже начинали чувствовать въ обратныхъ контръ-маршахъ. Проходя по колѣно въ сѣнгу трудною дорогою черезъ Альбу, Виханды и Револаксъ и таща съ собою болѣе солдатами, а не лошадьми артиллерію, мы проходили между непріятелемъ, который легко могъ изъ Павлова и Револаксы атаковать насъ на маршъ и разбить. Сей трудный маршъ покрылъ лицо Булатова морщинами, и когда достигли мы Виланды онъ тотчасъ послалъ меня съ 20 рядовыми на саняхъ въ кирку Поавола для рекогносцированія шведовъ, которые сдѣлали съ своей стороны большую ошибку, оставя незанятыми обѣ помянутыя кирки. Прибывъ ночью въ Поавола и прямо въ домъ къ пастору какъ лицу, отъ котораго болѣе узнать могъ, я, взявъ съ собой переводчика, началъ его допрашивать о войскѣ шведскомъ, но къ крайнему удивленію моему услышалъ его, заговорившаго со мною чистымъ и прекраснымъ нашимъ нарѣчіемъ, что меня и обрадовало; отъ него я узналъ, что шведы во Франсилѣ и дѣлаютъ сюда разѣзды, которые недавно здѣсь и были, но о силѣ или числѣ оныхъ онъ не узналъ; итакъ, ставъ въ Револаксъ, мы становились на линіи сообщенія непріятельскаго; пунктъ для насъ выгодный, но и опасный и требующій ума и дѣятельности, которыхъ, какъ увидимъ, Булатовъ, къ несчастію нашему, не имѣлъ. Получа нужныя для насъ свѣдѣнія, я 12-го Апрѣля прибывъ прямо въ Револаксъ, нашелъ тамъ отрядъ свой изъ Виланди пришедшій и обо всемъ донесъ Булатову. Здѣсь остановивъ отрядъ, Булатовъ ѣздилъ къ Тучкову на совѣщаніе, и мы простояли въ совершенномъ бездѣйствіи до 15-го Апрѣля. Въ сіе довольно продолжительное время безпечный нашъ начальникъ, зная, что мы стоимъ окруженные непріятелемъ, занимающимъ Франсилъ съ одной, Сикаіоки съ другой и Лумноки съ третьей стороны, ни одного раза не рекогносцировалъ нашего мѣсто-

положенія, по которому бы слѣдовало сдѣлать распоряженія къ защитѣ онаго на случай непріятельскаго нападенія, котораго и ожидать было надо по тѣмъ отношеніямъ, въ которыя мы поставили непріятельскаго маршала Клигпорна, ставъ на его сообщеніяхъ. Сія важная и преступная оплошность была величайшею изъ причинъ нашего пораженія впоследствии нами претерпѣннаго. Теперь слѣдуетъ сказать, что у насъ въ отрядѣ за отдѣленіемъ Обухова съ тремя ротами въ Каяно, одной роты въ Сантъ-Михелъ, двухъ гарнизонныхъ ротъ подполковника Дункера въ Варгаузъ, осталось 3 батальона пѣхоты, 18 казаковъ, эскадронъ Гродненскихъ гусаръ и 4 орудія артиллеріи, въ которыхъ отъ большой убыли людей при труднѣйшихъ нашихъ походахъ осталось до 800 человекъ. Не ясно ли, что или глупая олегма, или преступная и злонамѣрная воля Буксгевдена, тогдашняго нашего главнокомандующаго, по которой онъ, видя, что мы и съ Тучковымъ не имѣли 3000 человекъ подъ ружьемъ, оставлялъ насъ на волю 10 тысячнаго корпуса непріятельскаго, теперь сосредоточеннаго, и въ отдаленіи отъ всѣхъ войскъ нашихъ на 200 верстъ, ибо ближайшія отъ насъ занимали городъ Вазу. Но обратимся къ тогдашнимъ нашимъ событіямъ.

14-го Апрѣля Булатовъ, желая имѣть точнѣйшія свѣдѣнія о положеніи непріятеля, призвавъ меня къ себѣ и поручая вновь въ команду мою 60 человекъ стрѣлковъ съ двумя офицерами, Пермскаго полка поручикомъ Павленной и нашего подпоручикомъ Григоровымъ, 20 гродненскихъ гусаръ при корнетѣ ихъ Заборовскомъ и 10 казаковъ съ сотникомъ Лобачевымъ и съ симъ отдѣленіемъ поручилъ мнѣ сдѣлать точнѣйшее обозрѣніе непріятеля къ сторонѣ Франсило, и если его тамъ нѣтъ, постараться черезъ Пулькило соединиться съ отрядомъ Обухова для привлеченія его къ намъ. Столь безумное порученіе заставило меня объясниться съ Булатовымъ во многомъ съ помощью принявшаго мою сторону генеральнаго штаба капитана Соснина, бывшаго при нашемъ отрядѣ. Но слѣдствіе сихъ споровъ было одно: идти куда приказано, и подлый Булатовъ былъ столь гнусенъ, что и письменнаго ордера мнѣ не далъ, вѣроятно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы въ случаѣ дурныхъ со мною обстоятельствъ, взваливъ, что называется всю бѣду на меня, имѣть возможность сказать: „я не то приказывалъ“. Вслѣдствіе сего назначенія, когда смерклося я, собравъ отрядъ свой, выступилъ по данному мнѣ повелѣнію отъ Булатова, который именно велѣлъ идти мнѣ ночью, дабы не замѣтили сего по словамъ его жители, а въ самомъ дѣлѣ полагалъ для того, что онъ боялся ночного нападенія на отрядъ свой разбросанный на довольномъ растояніи по

здѣшнимъ раздѣльнымъ дворамъ а не по деревнямъ крестьянскимъ, и который сосредоточить не было возможности иначе, какъ заставить солдатъ и такъ изнуренныхъ походомъ стать на биваки, что было бы безчеловѣчно по здѣшнимъ глубочайшимъ снѣгамъ и холоду. Одно упустилъ Булатовъ изъ виду, что дозволивъ хозяевамъ дворовъ свободный выѣздъ, доставлялъ тѣмъ вѣрнѣйшіе непріателямъ свѣдѣніе о числѣ нашего отряда, хотя и былъ отъ сего предостерегаемъ многими представленіями, ибо мы ясно видѣли величайшую къ намъ ненависть всѣхъ вообще жителей съ самаго нашего вступленія въ предѣлы Швеціи. Такимъ образомъ слѣдуя къ киркѣ Поавола во всю ночь, на разсвѣтѣ дня 15-го апрѣля открытъ моими казаками, шедшими передо мною, идущій на насъ непріатель. Полагаясь на увѣренія безсмысленнаго Булатова, что непріателя нѣтъ въ Паоволѣ, я шелъ просто безъ всякихъ особенныхъ осторожностей и казаки шли передъ нами шагахъ въ пяти, вмѣсто того если бы генераль сей не увѣрялъ меня въ томъ, чего самъ не вѣдалъ, и которому я какъ начальнику довѣрялъ совершенно, то тогда разѣзды казаковъ были бы посланы впередъ на дальнее растояніе, и я избѣгъ бы всякой внезапности столь вредной во время войны. Но какъ бы то ни было, а я совершенно для меня неожиданно столкнулся, такъ сказать, носъ съ носомъ со шведами. Первымъ моимъ дѣломъ было тотчасъ рассыпать 20 человѣкъ стрѣлковъ въ лѣсъ, по обѣ стороны дороги лежащей, дабы хотя нѣсколько осмотрѣть непріателя, но глубина снѣга была по поясъ, а лыжъ, на которыхъ здѣсь только и можно было дѣйствовать, у насъ не было, итакъ одумавъ всѣ сіи непреодолимые препятствія и сообразя отдаленность свою на 20 почти верстъ отъ отряда и, замѣтивъ еще, что въ тылу моемъ была дорога отъ Люміокъ, занятая непріателемъ, выходящая прямо на Револаксъ, въ которой сторонѣ въ сіе время услыхалъ я пальбу по прямому направленію довольно ясно до меня доходившую, рѣшился немедленно отступить, но непріатель уже бросилъ по обѣ стороны многочисленныхъ стрѣлковъ своихъ, которые открывъ огонь ранили у меня одного рядового, оставшагося на мѣстѣ. Сіе нападеніе вновь рѣшило меня скорѣе отступить, и я собравъ разсыпанныхъ стрѣлковъ своихъ скорымъ шагомъ началъ отступать, опасаясь при томъ, чтобъ непріатель изъ Люміокъ не отрѣзалъ меня отъ отряда нашего, для упрежденія чего шли мы почти на рысяхъ до выхода сей дороги. Пройдя оную и слыша часъ отъ часу сильнѣе пальбу въ лѣвомъ флангѣ отряда Булатова и не получая отъ него никакого извѣстія послалъ я къ нему сотника Лобачева съ донесеніемъ, что мною открытъ идущій къ намъ непріатель; между тѣмъ, подойдя ко двору Хендуло и найдя тамъ позицію для себя выгодную, я рѣшился оста-

новиться здѣсь, разсыпавъ всѣхъ стрѣлковъ своихъ по обѣ стороны дороги, а кавалерію поставя на дорогѣ, дабы удерживала центръ нашъ. Лишь успѣлъ я сдѣлать мое распоряженіе, какъ непріятель показался изъ густого лѣса на площадь, нами занимаемую и покрытую кустами, сквозь которые ясно намъ его было видно; онъ шелъ тремя колоннами съ артиллеріей, изъ которыхъ одна пошла противъ насъ, другая пошла въ обходъ праваго моего, а третья колонна въ обходъ моего лѣваго фланга прямо на кирку Револаксъ, за рѣкой отъ Булатовой квартиры въ прямой линіи. Осмотря такимъ образомъ непріятеля, я вторично послалъ къ Булатову гусарскаго корнета Заборовскаго сказать о всемъ подробно и что число непріятеля по крайней мѣрѣ 3000 человекъ. Пославъ, такимъ образомъ, двухъ офицеровъ къ генералу, я не получалъ отъ него никакого повелѣнія на подкрѣпленіе; въ сей позиціи пріѣхалъ ко мнѣ изъ отряда гусарскій ротмистръ Гроткусъ, котораго я просилъ сказать генералу, что безъ сильнаго и скорого подкрѣпленія я не могу держаться противъ въ 20 разъ превышающаго меня непріятеля, что онъ и исполнилъ какъ я послѣ узналъ, но Булатовъ все оставался тѣмъ же деревомъ, которымъ и былъ. Наконецъ, видя сближеніе къ себѣ огромныхъ противу моихъ силъ непріятельскихъ и, не получая никакого извѣстія отъ Булатова, ибо всѣ мои посланные не возвращались, и видя притомъ явно, что меня отдають на жертву, я далъ повелѣніе отступить всѣмъ своимъ стрѣлкамъ. Въ самое сіе время непріятель открылъ по мнѣ пушечный огонь и ружейную пальбу, но я успѣлъ занять новое положеніе по обѣ стороны рѣки, ибо отъ дороги я былъ уже отрѣзанъ и такимъ образомъ, сблизясь съ отрядомъ Булатова, обезопасилъ тылъ свой; но въ сіе время приславъ ко мнѣ генеральнаго штаба капитанъ Соснинъ съ повелѣніемъ отступать къ киркѣ, гдѣ найду я батальонъ Пермскаго полка полковника Медосытова.

Такимъ образомъ, открывъ огонь по приближавшемуся ко мнѣ непріятелю, началъ я отступать; прибывъ къ киркѣ я никого не нашелъ, а видѣлъ, что колонна шведская идетъ по рѣкѣ почти наравнѣ со мною, не будучи ни кѣмъ обезпокоиваема.

Въ сіе время Булатовъ, забывъ о моемъ назначеніи, открылъ огонь на кирку съ батареей, возлѣ его квартиры расположенной; видя сіе мы, пригнувшись, пробѣжали линію своего огня и направились на рѣку, дабы не допустить непріятельской колоннѣ себя отрѣзать. На рѣкѣ нашли мы стрѣлковъ нашего полка, расположенныхъ поперекъ оной подъ начальствомъ поручика Меньшикова и присоединясь къ нимъ, вновь открыли сильный огонь противъ густой цѣпи шведскихъ

стрѣлковъ, идущихъ предъ своей колонной, которая начинала поворачивать къ квартирѣ генерала Булатова на берегу, какъ сказано, бывшей, гдѣ и артиллерія наша находилась. Видя сіе, мы рѣшились броситься туда. Здѣсь не могъ я надивиться неимоверной храбрости солдатъ нашихъ; одному изъ нихъ пуля попала въ киверъ на палецъ отъ головы и пролетѣла сквозь оный; онъ перекрестился и тотчасъ же началъ стрѣлять самъ! Подлинно, русскій непобѣдимъ съ хорошимъ начальникомъ. Придя къ квартирѣ Булатова я нашелъ хаосъ. Команды, возвращаясь изъ своихъ командировокъ, куда ихъ Булатовъ разговаривалъ, и не видя тамъ непріятеля, а слыша пальбу здѣсь, возвратясь, стояли безъ всякаго порядка; фурунты, видя опасность, запрягая сами собою лошадей, скакали по дородѣ къ Брахештадту, куда и офицерскій обозъ ускакалъ! Артиллеристы, метался и мѣшаясь въ своихъ ящикахъ, безпорядочно расположенныхъ, при братьѣ зарядовъ производили крикъ, умножая тѣмъ еще болѣе суматоху. Увидѣлъ я и Булатова, посреди сего Вавилонскаго смѣшенія стоявшаго съ лицомъ блѣднымъ. Увидя меня онъ вскричалъ: „Леонтьевъ, въ штыки!“ — Я началъ устраивать людей, ибо шведская колонна стояла уже противъ нашей батареи, по которой давъ картечью, положили много на мѣстѣ, но она открывъ жестокой ружейный огонь, и пользуясь нашимъ безпорядкомъ, ударила въ штыки. Среди сего убійственнаго огня, которымъ возлѣ меня валило людей, какъ снопы, я желая устроить сколько можно своихъ солдатъ кричалъ: „стой ребята!“ и своими руками за деревьями велъ ихъ впередъ. Но дѣйствіе перекрестнаго огня и крикъ солдатъ нашихъ: „измѣна“ разстроили всѣ мои усилія—одни бросились назадъ, другіе стояли непоколебимо. Булатовъ, видя напоръ шведовъ и малую часть оставшихъ при насъ людей сказалъ мнѣ: „сдавайтесь, бросьте ружье!“ и подался первый назадъ. Не имѣя вовсе желанія быть плѣннымъ, я бросился къ лѣсу съ нѣсколькими десятками солдатъ моихъ, и напавъ на тропинку, пустился по ней—самъ не зная куда и тѣмъ избѣжалъ плѣна. Булатовъ же отдался въ плѣнъ, чему послѣдовали нѣкоторые офицеры подлецы и около 150 солдатъ. Въ семъ сраженіи мы потеряли 4 орудія, 4 патронныхъ ящика и болѣе 400 человекъ, но знамена свои мы спасли.

Идя по тропинкѣ, мы наконецъ начали плутать, но къ счастью попали на какую то избушку, въ лѣсу стоящую, и нашедъ въ ней проводника съ помощію его дошли до селенія Олькіюки, измучась отъ усталости, гдѣ и нашли Калужскій полкъ колонны Тучкова. Здѣсь бросимъ бѣглый взглядъ на сіе несчастное сраженіе! На разсвѣтъ 15-го Апрѣля непріятель отъ стороны Луміокъ атаковалъ отрядъ нашъ, но былъ отбитъ послѣ довольно жаркой перестрѣлки; вскорѣ Булатовъ получилъ

и отъ меня извѣстіе о новомъ приближеніи непріятеля съ другой стороны.

Тутъ умный человекъ, принявъ въ уваженіе важность нашего положенія на сообщеніяхъ онаго и слѣдственно принужденность его дѣйствовать отчаянно на отрядъ нашъ, чтобы избѣгнуть разобщенія, тотчасъ бы, осмотра положеніе мѣста, дабы наилучшимъ и выгоднымъ образомъ защитить себя, занялъ оное заблаговременно въ наилучшемъ порядкѣ и отгадалъ бы, что первое непріятельское нападеніе было только фальшивое, дабы отвлечь наше вниманіе отъ настоящаго пункта атаки. Но Булатовъ, сей смотритель садовъ (Булатовъ съ начала правленія императора Александра I-го по 1808-й годъ былъ смотрителемъ Петергофскихъ садовъ), оставался въ совершенной безопасности, и по окончаніи первой перестрѣлки, отпусая роты по квартирамъ, велѣлъ солдатамъ раздѣться и отдыхать; первое и было исполнено, а второе нѣтъ ибо опытные прошлой войной 1807-го года, ротные командиры, чувствовали, что за сей перестрѣлкой неминуемо послѣдуетъ другая, важнѣйшая, ибо нельзя было и помыслить, чтобы непріятель безъ какой либо цѣли приходилъ къ намъ. Итакъ частные начальники остались въ совершенной осторожности, а главный, отправясь на свою квартиру, началъ пить кофе, рассказывать окружающимъ его, что не надо солдатъ беспокоить преждевременно и что одни атакуемые роты пусть дерутся, а другія спятъ, „такъ, промолвилъ Булатовъ, бывало у насъ подъ Измаиломъ 1791-го года, когда одна часть корпуса отбивала вылазку непріятельскую, а другая варила кашу.“ Итакъ сей жалкій генераль не постигалъ, что осада крѣпости и защита полевой позиціи суть двѣ наивеличайшія противоположности. Вотъ какого начальника царь избралъ намъ.

Такимъ образомъ, попивая кофе, Булатовъ, получа отъ меня первое извѣстіе съ посланнымъ сотникомъ Лобачевымъ о маршѣ непріятельскомъ сказалъ: „Вамъ показалось, — ступайте впередъ!“ и на предложеніе не прикажетъ ли ротамъ быть въ готовности, отвѣчалъ: „вздоръ, не надо показывать жителямъ, что мы боимся шведовъ!“ и оставилъ сотника у себя.

Получа другое отъ меня донесеніе и будучи спрошенъ адъютантами, не прикажетъ ли ударить сборъ, сказалъ: „не надо“ и оставилъ на своей квартирѣ. Наконецъ, уже услыша пушечную пальбу, Булатовъ выскочилъ и первымъ его распоряженіемъ было послать батальонъ Пермскаго полка къ киркѣ, дабы прикрыть себя съ сей стороны, а

потомъ разсвалъ три нашихъ и 4 Пермскихъ гренадерскихъ роты такъ, что тѣ и непріятеля въ глаза не видали и многіе возвратились потомъ на пальбу къ Булатова квартирѣ, не выстрѣливъ даже ни одного раза; распорядясь столь великомудро, Булатовъ спокойно остался на своей квартирѣ, оставя у себя въ резервѣ одну первую гренадерскую роту. Наконецъ, получая часъ отъ часу важнѣйшія свѣдѣнія о сраженіи, онъ, забывъ назначеніе Медосытова батальона, раскомандировалъ его въ разные, впрочемъ важные, пункты, черезъ что и допустилъ центральной шведской колоніи отрѣзать насъ отъ ротъ Пермскаго полка, и мы остались на этой сторонѣ рѣки, а тѣ, видя насъ окруженными, заблагодарасудили удалиться въ Брахенштадтъ, что и исполнили, оставя насъ на жертву. Вотъ причины сего жалкаго сраженія, гдѣ едва ли съ нашей стороны двѣсти человѣкъ сражалось противъ 3000 шведовъ, и подробности котораго описывать скучно и досадно. Теперь обратимся къ слѣдствіямъ сего сраженія. Получа первое извѣстіе о семъ сраженіи отъ Гродненскихъ гусаръ, Тучковъ съ двумя егерскими полками и 4 орудіями бросился къ намъ на помощь, но узнавъ о слѣдствіяхъ онаго, вмѣсто того, чтобы врасплохъ ударить сими силами на торжествующаго непріятеля, который, какъ обыкновенно и бываетъ, оставался въ сіе время безпорядкѣ, и тѣмъ вырвать побѣду изъ рукъ его, возвратился въ Брахенштадтъ и въ тотъ же день началъ отступать къ городу Гамле-Корлеби; пришедъ, какъ я сказалъ, въ Олькіюки и найдя тамъ свои сани, я упалъ въ нихъ отъ усталости и спалъ почти цѣлыя сутки, не спавъ весь день 14-го и всю ночь 15-го апрѣля и сдѣлавъ пригомъ по крайней мѣрѣ въ 50 верстъ переходъ, большей частью пѣшкомъ. Въ Гамле-Корлеби получили мы радостное извѣстіе о взятіи нашими войсками неприступныхъ твердынь Свеаборга и праздновали сіе событіе, поправившее наше положеніе, благодарственнымъ Господу Богу молебствіемъ, съ пушечною пальбою. Здѣсь также получили мы манифестъ Александра I-го о присоединеніи великаго княжества Финляндскаго къ Россіи и повелѣніе привести жителей къ присягѣ на вѣрность и подданство, что и учинено нами при пушкахъ заряженныхъ картечью и при собраніи всей почти дивизіи въ сей городъ, ибо новыя вѣрноподанные весьма неохотно исполняли оную. Такъ кончился первый походъ нашъ! И дворъ нашъ, мечтая овладѣть въ одинъ походъ всею Финляндіею, (и тѣмъ погромѣть по Россіи, огорченной Тильзитскимъ миромъ) поздно увидѣлъ, что война только начиналась при открытіи весны, и что мы дорого заплатимъ за вѣроломное нападеніе наше на беззащитную Финляндію.

Глава VIII.

Взглядъ на городъ Гамле-Корлеби, и всю шведскую Финляндію, нами по 1-е мая 1808-го года пройденную.

Городъ Гамле-Корлеби лежащій на рѣкѣ Корлеби въ разстояніи отъ Ботническаго залива; въ ближайшемъ разстояніи есть портсвой, слѣдственно и торговый городъ, въ гавани котораго и при насъ, не взирая на прекращеніе торговли, стоялъ готовый къ отправленію прекрасный купеческій корабль. Строеніе сего городка очень хорошее, улицы широкія, ратуши и другія публичныя зданія прекрасныя, ряды богатые; однимъ словомъ это прелестный городокъ, въ которомъ жителей до 4000. Вообще весь сей край, нами теперь пройденный, представляетъ совсѣмъ противоположную картину нашей Финляндіи. Здѣсь отъ самой Сантъ-Кристины или пограничной шведской кирки, въ направленіи къ Улеборгу чрезъ Куопіо и отъ Брахештадта до Гамле-Корлеби, вы найдете прекрасныя крестьянскіе дома, часто въ нѣсколько комнатъ, покрытыя тесомъ и выкрашенные красной краской, что при бѣлизнѣ снѣговъ дѣлаетъ видъ отмѣнно пріятный. Внутренность сихъ домовъ представляетъ чистоту и опрятность, можно сказать, удивительную; здѣсь вы увидите комнаты пространныя, довольно высокія съ большими окнами, кафельными голландскими печами, и сіи комнаты обштукатурены и выбѣлены.

Это вообще у всѣхъ крестьянъ, а у содержателей земель или арендаторовъ вы найдете большія и, можно сказать, огромныя дома съ прекрасными и многочисленными экономическими постройками. Само по себѣ разумѣется, что здѣшніе пасторы живутъ въ большомъ изобиліи и такъ, какъ у насъ помѣщикъ отъ ста душъ. Сіи дома крестьянъ, пасторовъ и арендаторовъ во внутренности шведской Финляндіи или въ провинціяхъ Сиволакской, Карельской, Иниладской, части Вазовской и Улеборгской разсѣяны по разницѣ или гдѣ одинъ, гдѣ два дома, но это не только здѣсь не дѣлаетъ неудобства, но даже одушевляетъ сей, поросшій огромными лѣсами и, можно сказать, загроможденный ужасной величины гранитами, край. Но берега Ботническаго залива представляютъ совсѣмъ другой видъ. Здѣсь почти на каждахъ 5-ти верстахъ встрѣчаете огромныя селенія, часто въ 100 прекрасныхъ, большихъ и помѣстительныхъ домовъ, гдѣ обитаютъ счастливые поселяне здѣшняго края. Однимъ словомъ, весь край сей представляетъ картину изобилія и счастья обитателей онаго! картину, на которую съ восхищеніемъ взглянуть всякій другъ человѣчества.

Что доставляетъ средства къ такому устройству? откуда такое изобиліе въ столь уединенномъ уголкѣ земного шара? Вотъ вопросы, которые всякій можетъ себѣ сдѣлать, и на которые не трудно дать подробный отвѣтъ. Извѣстно, что вся Финляндія покрыта огромными лѣсами въ углубленіи которыхъ еще, быть можетъ, нога человѣческая не бывала отъ сотворенія оныхъ! Сіи то лѣса, состоя изъ сосны, ели и березы, доставляютъ жителямъ внутреннихъ провинцій матеріалъ для строенія домовъ и всего прочаго: для ихъ устройства нужнаго, доставляя въ то же время деготь, смолу, доски и уголья, что все, бывъ сплавляемо рѣками и озерами, во множествѣ здѣсь имѣющимися, до портовыхъ городовъ по берегамъ Финскаго и Ботническаго заливовъ Балтиками лежащихъ, доставляютъ или наличныя деньги, или нужные продукты; во-вторыхъ самое положеніе края сего, низменное и сырое, даетъ во множествѣ траву сочную и здоровую, которая, бывъ обращена въ сѣно, доставляетъ средства къ огромному скотоводству, которое доставляетъ хорошій доходъ отъ масла, сыра и шерсти, и при томъ еще надо замѣтить, что здѣшній рогатый скотъ одинаковой породы съ простымъ нашимъ, а о мериносахъ тамъ и понятія не имѣютъ. Что жъ, если бы тамъ улучшить породы рогатаго скота и овецъ лучшими породами, у насъ извѣстными, каково бы еще умножилось богатство жителей? содержать же самый лучший и нѣжный скотъ имѣютъ они всѣ средства, какъ въ прекрасныхъ и покойныхъ помѣщеніяхъ и теперь для обыкновенной ихъ скотины строиныхъ, такъ и въ огромномъ количествѣ сѣна. Сверхъ сихъ, описанныхъ мною, выгодъ надо припомнить еще о множествѣ звѣрей, дичи и въ озерахъ водящейся, хотя и въ небольшомъ количествѣ, рыбы, тогда мы будемъ имѣть понятіе о источникахъ, откуда почерпается богатство жителей. Губерніи же Вазовская, Абосская, Гельсингфорская, Нюландская производятъ еще и хлѣбопашество въ довольномъ количествѣ, особенно ржи, извѣстной у насъ подъ именемъ Вазы, и которую продаютъ за столь высокую цѣну. При сихъ выведенныхъ мною выгодахъ пріятно замѣтить, что финляндскій крестьянинъ, хотя и неповоротливъ, будучи флегматиченъ, при всемъ томъ онъ большой экономъ и мастеръ своего дѣла. Все это сказалъ я о внутреннихъ провинціяхъ, но о приморскихъ еще прибавить надо: выгодное построеніе морскихъ судовъ и хорошій сбытъ оныхъ, рыбная изобильнѣйшая ловля по обоимъ заливамъ рыбъ разнаго рода, и заморская торговля приносить симъ послѣднимъ неисчислимыя выгоды. Въ домашней пищѣ финляндцы очень неприхотливы, часто копченаго мяса, молока и сельдей съ кускомъ хлѣба сухого, называемаго коржами, достаточно для его насыщенія; сей хлѣбъ какъ единственный въ Европѣ достоинъ быть здѣсь описанъ. Сей хлѣбъ

или сіи коржи дѣлаются такъ: тѣсто ставится прѣсное, потомъ изъ онаго дѣлаются лепешки, которыя, бывъ крутого тѣста, надѣваются на скалку или коротенькій шестъ, который впускается въ истопленную печь и держится дотолѣ, пока сіи лепешки не засушатся до послѣдней степени сухости, послѣ чего, вынувши изъ оныхъ скалку, снимаютъ коржи и употребляютъ ихъ въ пищу. Хлѣбъ сей очень не вкусенъ, особенно для насъ, русскихъ, привыкшихъ съзменька къ вкуснымъ и прекраснымъ хлѣбамъ.

Зимой вы увидите всякаго крестьянина, ѣдущаго на прекрасной тамошней маленькой, кругленькой и красивой лошаdkѣ, въ родѣ нашихъ вятскихъ, у которой грива острижена какъ у нашихъ стригуновъ, что доставляетъ ей особенно пріятный видъ; запряженной въ чистыя и видныя санки въ родѣ нашихъ городскихъ; лѣтомъ у нихъ двухколесныя прекрасныя повозочки, въ родѣ нашего кабріолета, весьма красивыя и покойныя. Но за то вы не увидите во всей Финляндіи ни одной кареты, ни даже коляски, у самаго лансгевдинга или губернатора зимой единственный экипажъ, сани, съ тою разницею, что у его лошади навязано множество бубенчиковъ, вѣроятно, для того, чтобы ему давали дорогу. Въ Куопіо мы у него обѣдали, онъ былъ въ синемъ мундирѣ съ золотымъ дубовымъ шитьемъ на воротникѣ и обшлагахъ и въ орденѣ сѣверной звѣзды, но его столъ былъ по нашему самый обыкновенный домашній, а о десертѣ онъ и не вѣдалъ; прислуга состояла изъ двухъ или трехъ дѣвокъ; вина не подавали никакого, ни даже наливкоу, но послѣ обѣда подавали кофе. Изъ сего описанія видно, что въ Финляндіи богатство раздѣлено между многими, тамъ нѣтъ ни черемърно богатыхъ, ни черемърно бѣдныхъ.

Глава IX.

Переходы, всеобщее возстаніе народа, походы, сраженія и перемиріе. Конецъ кампаніи и выходъ въ отставку или подача о семъ просьбы.

Изъ Гамле-Корлебли въ половинѣ Мая перешли мы съ остатками своего батальона въ близлежащее селеніе Недервитель, гдѣ и получили новаго начальника въ лицѣ генералъ-лейтенанта Раевского, а Тучкова государь отставилъ за худое и медленное распоряженіе, не соображая, что въ его дивизіи было до 3000 человекъ рекрутъ. Въ сіе

время мы безпрестанно получали подкрѣпленія такъ, что въ началѣ Іюня у насъ составился корпусъ выше 10000 простирившійся; съ симъ корпусомъ генераль Раевскій отступилъ къ киркѣ Лапо для сближенія съ нашими магазейнами, а мы въ числѣ отряда, составленнаго изъ полковъ: Великолуцкаго, Пермскаго, 23-го Егерскаго и остатка нашего, подъ команду генераль-майора Янковича отошли къ городу Ни или новому Корлеби. Сей городокъ очень хорошъ, и особенно видъ залива, на которомъ въ то время стоялъ корабль, дѣлалъ картину прелестнѣйшую. Здѣсь жителей до 3000, но городская ратуша, столь огромна, что годилась бы и для обширнѣйшаго города. Простоявъ въ семь городѣ нѣсколько дней, мы выведены были въ селеніе, близъ онаго лежащее, и я нашель здѣсь столь прелестное мѣстоположеніе, что не взирая на громъ войны, не могъ отказать себѣ въ наслажденіи цвѣтущею природою, роскошно предъ глазами моими раскинутою. Часто, сидя у окна на берегу рѣки и любуясь мирною сельскою тишиною, я забывалъ или старался забыть день ото дня становившееся тягостнѣйшимъ наше военное положеніе, для описанія котораго долженъ нѣсколько подробнѣе вникнуть въ тогдашнія обстоятельства.

При самомъ впаденіи нашемъ въ Финляндію шведскій король Густавъ IV-Адольфъ издалъ манифестъ къ своему народу, обвиняя, и справедливо, правительство наше въ вѣроломномъ вторженіи въ предѣлы своего государства. Сей манифестъ произвелъ свое дѣйствіе, поселя въ народѣ непримиримую къ намъ ненависть, подавляемую только страхомъ быстрого и самонадѣяннаго нашего похода во время зимы, по суровости своей отнимавшей всѣ средства у обывателей вредить намъ, но при всемъ томъ, въ рѣчахъ и поступкахъ мы ясно видѣли ихъ къ себѣ ненависть, особенно въ Улеборгской губерніи и на берегу Ботническаго залива; уже въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ они генерала нашего Тучкова изъ Брахштадта провожали камнями, но въ началѣ Мая картина общаго возстанія явилась во всей своей ужасающей силѣ.

Наступившее теплое время дало возможность жителямъ угнать свой многочисленный скотъ въ глубокіе лѣса, удаленные отъ населенія, вскорѣ потомъ они проводили туда женъ и дѣтей своихъ, и увезя лучшія свои имущества, принялись за оружіе. Здѣшній край, наполненный звѣрями и дичью всякаго рода, естественно произвелъ въ обитателяхъ нужду, а потомъ и охоту стрѣлять, слѣдовательно, здѣсь всякій житель стрѣлокъ, и стрѣлокъ славный; здѣсь у всякаго почти крестьянина есть ружье, какъ первая потребность. И такъ, воспріавъ

намѣреніе мстить за оскорбленныя права своего государя, они явились страшными и опасными нашими непріятелями, тѣмъ болѣе, что и самая мѣстность края покровительствовала ихъ внезапнымъ нападеніямъ и скрытымъ ретирадамъ. Такимъ образомъ, мы, вмѣсто дѣйствія арміи шведской, увидали, что намъ предлежитъ вести войну, и войну отчаянную, съ тремя или четырьмя стами тысячъ разъяренныхъ крестьянъ, которыхъ еще болѣе возбудило объявленіе короля, что они будутъ наградою завоевателей и поступятъ въ крѣпостное владѣніе къ русскимъ генераламъ.

Первое возстаніе произвело селеніе Лохто, учинивъ нападеніе открытою силою на проходившій нашъ арьергардъ къ Гамле-Корлеби. Генераль Тучковъ, желая наказать и утратить жителей, оборота войска къ сему большому селенію, превратилъ его въ развалины, но сіе только усилило общее мщеніе. Съ сего времени, крестьяне подъ предводительствомъ своихъ пасторовъ, гражданскихъ чиновниковъ и присланныхъ изъ шведской арміи офицеровъ, начали истреблять мосты, зажигали лѣса на пути нашемъ и приводили тѣмъ насъ часто въ опаснѣйшее положеніе, сверхъ сего истребляли наши разѣзды и извѣщательные посты, курьеровъ и патрули; однимъ словомъ, мы стали окружены непріателемъ со всѣхъ сторонъ и даже не могли безъ опасности потери жизни отлучиться на нѣсколько десятковъ шаговъ отъ своего лагеря; бывали примѣры, что отдалившіеся, во время марша отъ колонны на нѣсколько сажень, бывали встрѣчаемы выстрѣлами, какъ напримѣръ, нашего полка капитанъ Золотухинъ, а другіе, между колонною и арьергардомъ ѣдущіе въ обозъ, были убиты, какъ напримѣръ, человекъ командира нашего отряда генерала Янковича, ѣхавшій на его бричкѣ. Обозы наши, чуть отставшіе отъ арьергарда, были ограбляемы, а лошади и люди уводимы, какъ и со мной случилось въ началѣ Августа, когда отставшій мой деньщикъ былъ взятъ со всѣмъ моимъ имуществомъ, и я остался въ одномъ мундирѣ и даже безъ верховой лошади, которую также въ то время отбили возмущившіеся мужики. Разумѣется, что во время сихъ нечаянныхъ нападеній изъ густыхъ лѣсовъ и изъ за каменьевъ, лежащихъ по обѣ стороны едали въ 10 аршинъ шириною дороги, мы тотчасъ дѣлали стрѣлками своими поиски и когда удавалось ловить сихъ иступленныхъ, то предавали ихъ военному суду, а впоследствии и разстрѣливали ихъ наши генералы по данной имъ власти, но все сіе не дѣлало нашего положенія лучшимъ. Дерзость, возмущившихся крестьянъ устраивавшихся по временамъ въ сильныя ополченія, столь была велика, что они въ Іюль и Августъ открытою силою нападали на усиленныя прикрытія нашихъ

магазиновъ, какъ то: въ киркѣ Нуміярви, гдѣ егерскіе полки защищали большой магазинъ нашъ и неоднократно были атакованы тысячами отчаянныхъ крестьянъ, предводимыхъ присланными къ нимъ отъ короля армейскими штабъ-офицерами. Одинъ разъ и самъ нашъ главнокомандующій Буксгевденъ въ окрестности города Або едва спасся въ окно отъ нападенія сихъ отчаянныхъ, несмотря на то, что караулъ главной квартиры занималъ батальонъ пѣхоты съ нѣсколькими пушками. Сіе всеобщее возстаніе лишало насъ подвоза продовольствія, ибо не было ни лошадей, ни людей ни въ одномъ селеніи, да и собственный свой хлѣбъ они зарывали въ землю или заранѣе вывозили въ отдаленные и едва проходимые лѣса свои и ущелья; итакъ, сверхъ всѣхъ описанныхъ бѣдствій, надъ нами обрушившихся, мы съ половины Іюня начали претерпѣвать и голодъ, для утоленія котораго и снисканія дневного пропитанія себѣ, мы устремились съ сильными командами въ глубокіе лѣса, переходя камни и болота для отысканія онаго. Часто случалось нападать на тропинки, приводившія насъ къ пасущимся стадамъ ихъ, и тогда мы пировали, а часто возвращались ни съ чѣмъ. Только однихъ женщинъ и стариковъ мы видали при стадахъ сихъ, а молодыхъ никого, ибо они были на поискахъ и потому то при сихъ случаяхъ проливалась только кровь животныхъ, а не людей. Приспѣвшая въ Августѣ уборка съ полей хлѣба производилась женщинами, и мы не препятствовали сему для своей выгоды, но въ то время, когда женщины убрали съ полей хлѣба, а старики оныя засѣвали, мужья и сыновья ихъ, въ благодарность за кроткое съ ихъ семействами наше обращеніе, стрѣляли въ насъ изъ за лѣсовъ и каменьявъ. Среди сего хаоса государь нашъ издавалъ прокламаціи о всепрощеніи съ увѣреніемъ, что крѣпостное право никогда въ Финляндіи вводится не будетъ, но съ другой стороны Густавъ IV-й, издавая воспламеняющія свои воззванія, приглашалъ народъ къ оружію для отомщенія наглѣмъ пришельцамъ и подкрѣплялъ сіи воззванія высадками войскъ своихъ при Або, Вазѣ, Гамле-Корлеби и Христіанштадтѣ. Сіи высадки, воспламенія и подкрѣпяя жителей, развлекали во многія мѣста силы наши. Александръ I-й, видя столь для него неожиданное сопротивленіе, вновь ввелъ въ Финляндію двѣ дивизіи пѣхоты и вторые батальоны своей гвардіи. Кровь полилась рѣками на морѣ и на сушѣ, и мы впервые увидали, что значитъ народное возстаніе. Но обратимся къ тогдашнему ходу происшествій. Занявъ, какъ выше сказано, постъ въ Ни-Корлеби, генераль Янковичъ имѣлъ сильнаго непріятеля противъ себя и сверхъ сего долженствовалъ озаботиться дорогою на Лотю, по которой непріятель могъ изъ густыхъ лѣсовъ черезъ селеніе Сорвисто отрѣзать намъ единственное сообщеніе съ корпусомъ генерала Раевского, стояв-

шимъ предъ киркою Лаппо на соединенныхъ дорогахъ изъ городовъ Вазы, Христіанштадта и Ни-Корлеби. Въ семь положеніи по рекомендаціи полковника Турчанинова, Янковичъ поручилъ мнѣ важный постъ у селенія Нижняго-Япо, давъ въ мою команду съ сотникомъ Поповымъ 20 казаковъ. 11-го Іюня отправился я съ казаками къ мѣсту моего назначенія и дѣлая безпрестанные разъѣзды до Верхняго-Япо, всѣ суда, бывшія на рѣкѣ, истребилъ, прорубивъ у нихъ дно, дабы лишить непріятеля возможности къ переправѣ. На разсвѣтѣ 12-го числа замѣчено мною при деревнѣ Нижнемъ-Япо движеніе непріятеля, шедшаго къ берегу рѣки съ фашинами и досками для переправы, о чемъ ту же минуту и далъ я знать генералу. Дѣлая дальнѣйшее наблюденіе, я замѣтилъ, что непріятельская колонна, пришедшая на переправу, могла простираться до 1000 человекъ строевой пѣхоты, и которая, переправясь черезъ рѣку, послѣдовала черезъ дорогу въ лѣсъ къ сторонѣ Вазасской дорогѣ, о чемъ поѣхалъ я самъ донести генералу, производя впередъ пистолетную перестрѣлку моихъ казаковъ съ непріятелемъ. Янковича я нашелъ у деревни Ютасъ съ батальономъ пѣхоты и двумя орудіями, расположившимся принять непріятеля; въ семь расположеніи поручена была мнѣ цѣпь Великолуцкаго полка стрѣлковъ, которыхъ я и расположилъ выгоднымъ образомъ, но въ сіе время Янковичъ получилъ извѣстіе о непріятельской атакѣ на нашъ авангардъ за городомъ, расположенный подъ начальствомъ полковника Флорова и въ то же самое время узнали, что оный уже побѣжалъ! Тогда Янковичъ, переведя весь отрядъ за городъ и рѣку, обратилъ туда свое вниманіе и началъ тамъ пушечную пальбу по показавшейся непріятельской кавалеріи. Видя, что генераль, будучи озабоченъ двойнымъ на насъ нападеніемъ, упускаетъ изъ виду дорогу на кирку Лаппо, гдѣ непріятель, утвердись, повелъ на насъ сильную атаку, я поѣхалъ къ нему и напомнилъ о важности сообщенія съ главнымъ корпусомъ; поблагодаривъ меня, онъ поручилъ мнѣ открыть дорогу на Оровайсь, что мною и выполнено. Тогда Янковичъ, видя сильный напоръ шведовъ, началъ отступать, а мнѣ поручилъ съ батальономъ 23-го егерскаго полка при майорѣ Бражниковѣ прикрыть отступленіе отряда. свезти пушки отъ Ютасъ и забрать Великолуцкихъ стрѣлковъ, по дорогѣ къ Нижнему-Япо разсыпанныхъ; исполня все сіе, я догналъ генерала уже при киркѣ Мунсало, гдѣ онъ, благодаря меня за всѣ мои распоряженія, обѣщалъ представить къ наградѣ, но въ семь солгалъ. Въ семь сраженіи, гдѣ мы, имѣя до 3000 человекъ войска, были атакованы 10000 корпусомъ генерала Адлеркрейца, мы не потеряли почти ничего, кромѣ 30 человекъ рядовыхъ съ однимъ офицеромъ, оставшихся на посту своемъ близъ бе-

рега залива, о которомъ Янковичъ забылъ и оставилъ оныхъ отъ своего невниманія въ жертву неприятеля.

Такимъ образомъ, по окончаніи сего дѣла, мы черезъ Оравайсъ и Илистаро соединились съ корпусомъ Раевского при киркѣ Лаппо, который вскорѣ отступилъ чрезъ Куортань къ киркѣ Аливо; отсюда посланъ я генераломъ Раевскимъ для открытія той дороги, которая шла изъ Куортани въ тылъ нашего корпуса и осмотра оной—удобопроходима ли она для пѣхоты и артиллеріи, ибо сей дороги на картѣ не означено, вслѣдствіе чего, получа въ мою команду 40 рядовыхъ при одномъ офицерѣ, я 10-го Іюня выступилъ къ моему назначенію и открылъ, что сія дорога непроходима для артиллеріи, но пѣхота, хотя и не безъ труда, пройти можетъ, взбираясь по мѣстамъ на высокіе граниты. На сей дорогѣ открыты мной небольшія селенія: Тохна и Раземберы; въ послѣднемъ я остановился дать отдыхъ солдатамъ отъ многотруднаго перехода, ночью нами совершеннаго, и найдя здѣсь великое количество скота, далъ своимъ солдатамъ обѣдъ, котораго они давно не имѣли уже. Послѣ сего (послалъ) отрядъ унтеръ-офицера съ семью рядовыми еще впередъ до селенія въ самой близости отъ Куортани лежащаго и называемаго Леппи-Кюля, и получа донесеніе, что дорога все такая же и узнавъ отъ жителей, что въ Куортани шведовъ нѣтъ, и сождавъ несносный жаръ 11-го числа, я въ то же число въ ночи прибылъ къ корпусу и о своемъ порученіи донесъ. Черезъ нѣсколько дней мы еще отступили до кирки Эвесткюла и, какъ говорили, то для того, чтобы сблизиться съ своимъ продовольствіемъ, но послѣдствія показали, что Раевскій отступалъ изъ одной трусости и что въ сей сторонѣ всѣ наши магазейны были истреблены, а находился только одинъ въ Сааріярва, до котораго мы никакъ достигнуть не могли, иначе какъ съ потерей большаго пространства мѣста. Въ Иветкилѣ узналъ я о хитростяхъ генерала Булатова, который спасая себя, писалъ изъ плѣна своего женѣ своей, красавицѣ, чтобы она дѣйствовала въ его защиту. Узнавъ въ то же время, что Булатовъ рапортомъ своимъ доносилъ, что виноваты мы, а не онъ въ пораженіи Револакскомъ, желая упредить замыслы сего негодяя и дабы явить публично каковы тѣ, которыми онъ командовалъ, пользуясь случаемъ командированія насъ для прикрытія транспорта, я собралъ къ себѣ своихъ штабъ и оберъ офицеровъ и внуша имъ мое намѣреніе, предложилъ подписать мною сочиненное письмо къ Раевскому; они, любя и уважая меня, на все согласились, и я, запечатавъ оное, послалъ къ Раевскому съ тѣмъ, что если бы онъ исполнилъ мое желаніе, то отличась въ первомъ сраженіи и доказавъ тѣмъ свою храбрость, протестовать противъ рапорта Була-

това, а еслибъ онъ не рѣшился исполнить нашего желанія, то собственная слава его требовала объявить о семъ высшему начальству, что и сдѣлалось, и наше письмо, гремѣвъ по арміи, ходило по рукамъ всего Петербурга. Всѣ славилъ высокія чувства чести Могилевскихъ офицеровъ, и называли насъ героями, сего то я и хотѣлъ, дабы показать, каковъ быть долженъ начальникъ, не умѣвшій съ таковыми офицерами разбить непріятели. Вотъ списокъ съ подлиннаго письма:

„Господину генералъ лейтенанту Раевскому у.

„Извѣстившись, что Ваше Превосходительство изволите дѣлать съ войсками движеніе, всепокорнѣйше просимъ, чтобы Вы позволили и нашему батальону быть участниками въ славѣ храбрыхъ войскъ Россійскихъ и раздѣлить лавры побѣдъ ихъ!

„Вашему Превосходительству извѣстно, что мы, потерявъ своего шефа, находимся теперь у прикрытія транспорта, но желая вознаграждать сію потерю и отомстить непріятели ту поверхность, которую мѣсто и многочисленность ему единственно дали, осмѣливаемся изяснить желаніе всѣхъ насъ быть употребленными въ дѣйствіе съ нимъ, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ честь быть подъ командою Вашею. Мы увѣрены, что Ваше Превосходительство исполните желаніе остатка отъ Могилевскаго полка, который ревностно желаетъ служить Государю своему и отечеству.“

Подлинное подписали:

Майоръ Захаровъ,

Капитаны: Золотухинъ, Сербинъ, Леонтьевъ, штабсъ капитанъ Ивановъ 2-й.

Отвѣтъ:

„Господамъ штабъ и оберъ офицерамъ Могилевскаго мушкетерскаго полка.

„Письмо, писанное Вами и исполненное благородными чувствами, я получилъ. Я въ оныхъ никогда не сомнѣвался, репутація полка Вашего извѣстна. Желалъ бы дать случай усердію Вашему, еще болѣе оказать на опытѣ, но Вы должны сами разсудить, что когда нужно дѣлать откомандировки, то гораздо полезнѣе для службы дѣлать изъ тѣхъ полковъ, которые уже разстроены, чѣмъ разстраивать оными цѣлыя полки. Вотъ причины, которыя заставили меня употребить Васъ

у прикрытія Вагенбурга. Впрочемъ, будьте увѣрены, что я за честь себѣ поставилъ имѣть такихъ подъ командою, какъ Вы.

„Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ, почтенные господа.

„Покорный слуга Николай Раевскій генераль-лейтенантъ.“

Вскорѣ послѣ сего генераль-лейтенантъ графъ Николай Каменскій прибылъ къ намъ, и принявъ по Высочайшему повелѣнію весь корпусъ въ свое начальство, обратилъ оный впередъ на непріятеля, а намъ приказавъ сдать солдатъ въ Сѣвскій полкъ нашей дивизіи, самимъ съ знаменами идти въ городъ Тавастгустъ къ сформированнымъ изъ прибывшихъ туда, находившихся во Франціи плѣнныхъ двумъ батальонамъ, причемъ, осматривая малые ряды наши, громко кричалъ: „храбрые Могилевцы, я надѣюсь попрежнему встрѣтить Васъ на полѣ чести“.

Намекая тѣмъ на прошлогоднюю французскую войну.

Вслѣдствіи сего мы, выступя со знаменами черезъ Корпилаксъ, Оривеси и Пялкане прибыли въ Тавастгустъ. Здѣсь нашли мы готовымъ уже къ походу новый полкъ свой; являсь къ шефу своему полковнику князю Александру Васильевичу Сибирскому, вручили ему знамена; я получилъ 4 роту 2-го батальона въ свое командованіе.

Городъ Тавастгустъ есть губернскій городъ Ниландской губерніи и лежитъ на берегу огромнаго озера Ваноя-веси; строеніе въ немъ очень хорошее, но большею частію деревянное и жителей въ немъ до 8000 душъ; болѣе разсмотрѣть я онаго не могъ потому, что пробылъ въ немъ одинъ только день.

Здѣсь узнали мы, что полкъ нашъ назначенъ въ составъ отряда генераль-майора Ушакова, и долженъ идти къ киргѣ Нумміярва, куда мы выступя, слѣдовали черезъ прелестный городокъ Таммефорсъ, лежащій на возвышеніи между двумя озерами Несіярва и Сорванселке, дѣлающими для него прекраснѣйшіе виды, и черезъ очень богатое селеніе Киро. Генерала Ушакова съ Литовскимъ пѣхотнымъ, батальономъ егерей, нѣсколькими орудіями батарейной артиллеріи, ротой капитана Тряпицына и эскадрономъ уланъ полковника Вышеславцова нашли мы стоящимъ биваками предъ Нумміярва, гдѣ и соединились съ нимъ. Отсюда Ушаковъ командировалъ 2 роты нашего полка съ легкимъ трехфунтовымъ единорогомъ къ селенію Скантси для наблюденія дороги изъ Лампфюрда; въ числѣ сихъ ротъ была и моя, нами командовалъ майоръ Захаровъ. 18-го августа полу-

чилъ нашъ майоръ предписаніе: 19-го на разсвѣтѣ атаковать кирки Сторе и Лампюрдъ и вытѣснить изъ оныхъ непріятеля, а Ушаковъ въ то же время будетъ атаковать Нумміярва и выбьетъ оттуда шведовъ.

Майоръ, получа предписаніе, не зналъ что дѣлать, ибо не могъ никакъ сдѣлать распоряженія и потому прибѣгъ ко мнѣ; здѣсь я имѣлъ первый случай сдѣлать собственный мой планъ атаки и съ удовольствіемъ пріятнаго воспоминанія оной помѣщаю: 1-ое) войско двинется 18-го Августа по захожденіи солнца въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ изъ 40 человекъ охотниковъ подъ командою поручика Чурилова, вслѣдъ за онымъ 1-я колонна въ 135 человекъ подъ командою капитана Сербина. 2-я того же числа подъ командою капитана Золотухина, 3-я того же числа подъ командою капитана Леонтьева, то есть моею, и съ ней 3 фун. единорогъ.

2-ое) коль скоро авангардъ откроетъ на непріятеля, то въ то же время стремительно атакуетъ онаго; сію атаку 1-я колонна подкрѣпляетъ всею своею силою, а 2-я колонна устремится во флангъ непріятеля справа; 3-я колонна, служа резервомъ и вмѣстѣ центромъ, произведетъ натискъ въ центрѣ непріятельской позиціи, очищая бѣгущаго непріятеля пушечною пальбою. Дальнѣйшее распоряженіе будетъ дано на мѣстѣ. Но сіе распоряженіе осталось безъ сраженія, ибо мы едва подошли къ киркѣ Сторе, какъ и получили предписаніе возвратиться къ отряду, который, произведя на разсвѣтѣ неудачную атаку, возвратился въ свою позицію. Здѣсь глупость превозмогла храбрость, и генераль Ушаковъ дѣятельно доказалъ, что по дурацкому плану и храбрые духомъ и превосходные числомъ войскá ничего не сдѣлаютъ противъ искуснаго расположенія малаго числа воиновъ, предводимыхъ умомъ и храбростію. Соедѣня весь свой отрядъ, Ушаковъ не зналъ на что рѣшиться, — атаковать непріятеля боялся! а не идти впередъ на непріятеля не смѣлъ, ибо получилъ отъ графа Каменскаго повелѣніе бить онаго и идти къ нему на соединеніе черезъ кирку Ильмола, потому что Каменскій гналъ шведскую армію отъ Куортани. Наконецъ Ушаковъ размысли, что отъ опасности огня непріятельскаго въ его чинѣ избавиться можно, ставъ, какъ говорится, въ благородной дистанціи, а отъ военного суда за неисполненіе повелѣнія отдѣлаться нельзя, повелъ насъ 20-го Августа къ Нумміярва. Пришедъ туда и не найдя тамъ непріятеля, мы послѣдовали къ киркѣ Каухаіокамъ; гдѣ 21-го, атаковавъ, разбили шведовъ. Въ семъ сраженіи принималъ я большее участіе, потому что я первый посланъ былъ съ своею ротою въ подкрѣпленіе егерей и выбивъ непріа-

тельскихъ стрѣлковъ, преслѣдовалъ ихъ по дорогѣ въ Христіанштадту, при чемъ отбить у него съ зарядами ящикъ и взято 5 человекъ плѣнныхъ, но и за сіе сраженіе я также ничего не получилъ. Здѣсь искусный и честолюбивый генералъ, бывши на мѣстѣ Ушакова, произвелъ бы славное дѣло! Надлежало, оставя одинъ батальонъ пѣхоты съ 4 орудіями и по мѣстному положенію экскадронъ уланъ противу непріятеля, занявшаго позицію предъ дорогою Христіанштадтскою, съ самаго начала дѣла устремить главныя силы свои, изъ 13 ротъ пѣхоты и батарейныхъ орудій состоявшія, на войска шведскія, пошедшія по дорогѣ на киркѣ Ильмола и, разбивъ ихъ, стать на дорогѣ у кирки Лаппо, какъ на пути ретирующейся отъ Куортани непріятельской разбитой Каменскимъ арміи и тутъ, поражая ее съ тыла, заставилъ бы оную или, положи оружіе, сдаться или пробиваться насквозь и потерять всю артиллерію и багажъ. Что сіе легко было сдѣлать, то надо сказать, что нашъ полкъ, сформированный изъ старыхъ, обстрѣленныхъ и неустрашимыхъ солдатъ, между которыми было нѣсколько суворовскихъ вскормленниковъ, готовыхъ на все, да и Литовскій полкъ много имѣлъ старыхъ солдатъ, въ прошломъ году обдержанныхъ, и егерей очень хорошихъ. Слѣдовательно, стоило генералу собрать сихъ храбрыхъ воиновъ, сказать имъ рѣчь (какъ бывало въ прошлую войну 1807-го года) воинственную и вести ихъ прямо въ жестокой огонь! Но могли сдѣлать сіе глухой Ушаковъ? Никакъ! Онъ остановился въ Каухайакахъ отдыхать на лаврахъ, его достойныхъ! Глупецъ сей, если бы на другой даже день пошелъ къ Ильмола, то все бы имѣлъ, хотя ту славу, что вмѣстѣ съ авангардомъ Каменскаго вступилъ бы въ преслѣдованіе непріятеля, но мы, напротивъ, простояли здѣсь три дня и даже дѣлали, Богъ знаетъ для чего, полевые укрѣпленія!

Наконецъ, получа строжайшее повелѣніе отъ Каменскаго, Ушаковъ повелъ насъ 25-го Августа черезъ Ильмола къ Сторкиро, гдѣ мы 30-го Августа и соединились съ корпусомъ графа Каменскаго и продолжали итти по пятамъ непріятеля до кирки Лилкери, гдѣ Каменскій, (пославъ) отрядъ генералъ-лейтенанта Раевскаго съ нѣсколькими полками занять городъ Вазу, съ остальными войсками преслѣдовалъ непріятеля до кирки Оравайсъ, гдѣ 2-го Сентября того 1808-го года послѣдовало сраженіе, рѣшившее навѣки участь Финляндіи и слѣдствіемъ котораго было перемиріе при Гамле-Корлеби. Я не стану описывать подробно сего сраженія, но выведу только слѣдующіе общіе результаты: шведская армія, до 18 тысячъ простиравшаяся, подъ начальствомъ фельд-маршала графа Клингспорна заняла позицію за рѣкой, предъ киркою Оравайсъ текущею, упирая правый свой флангъ въ Ботнической заливъ,

а лѣвый, простирая въ лѣсъ дремучій на дальнее разстояніе. Нашъ корпусъ простирался до 12 тысячъ человѣкъ. Мы атаковали лѣвый флангъ непріятельскій и принудили шведовъ къ ретирадѣ, обойдя оный и удара въ тылъ имъ съ громкимъ барабаннымъ боемъ.

Все сіе сраженіе происходило въ чащѣ лѣса, гдѣ свалилось съ обѣихъ сторонъ до 25-ти тысячъ войска, сражавшагося густыми цѣпями стрѣлковыми. Сіе сраженіе выиграно одною храбростію солдатъ нашихъ, ибо ни генераловъ, ни полковыхъ командировъ между сими мрачными гранитами, тамъ и здѣсь разбросанными, мы нигдѣ не видали, да и съ ихъ стороны была бы это пустая церемонія, потому что имъ здѣсь нечего было и дѣлать. Уронъ нашъ состоялъ изъ 500 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ, но шведы потеряли одними плѣнными болѣе 500 человѣкъ. Симъ достопамятнымъ для всей Финляндіи и нашей арміи сраженіемъ кончились мои военные подвиги, и я получа здѣсь сильную рану въ кисть правой руки оправился для лѣченія въ городъ Вазу.

Ваза очень хорошій и пространный городъ, въ которомъ я пробылъ до 15-го октября; строеніе въ немъ прекрасное, болшею частію каменное, здѣсь есть королевскій замокъ, большое трехэтажное зданіе; жители здѣшніе живутъ изобильно отъ обширной здѣшней торговли.

По выздоровленіи моемъ я отправился черезъ города Ни и Гамле-Корлеби въ кирку Кельвію, гдѣ стоялъ полкъ нашъ. Государь Александръ I-й, не утвердивъ договора, по которому надлежало начаться переговорамъ о мирѣ, приказалъ силою занять всю Финляндію, а безъ того не входить ни въ какія сношенія съ шведскою арміею, слѣдствіемъ чего было вновь открытіе похода, но уже сраженій не было, а графъ Каменскій фланговыми движеніями заставилъ шведовъ отступить отъ неприступныхъ почти ихъ позицій, каковы были у кирки Калакіюки, гдѣ мы черезъ пропасти и камни, неся съ собою разобранные лафеты и пушки на плечахъ солдатъ и перешедъ по самому тонкому льду рѣку при селеніи Каліюки ниже кирки того же имени верстахъ въ 12-и, обошли неприступную шведскую позицію, укрѣпленную шанцами и батареями съ глубокими валами и тѣмъ спасли жизнь нѣскольکو тысячъ солдатъ своихъ. Сей труднѣйшій фланговый маршъ сдѣлали мы 26 и 27 Октября безъ куска хлѣба, будучи ободряемы личнымъ присутвіемъ графа Каменскаго, который самъ шелъ съ нами пѣшкомъ по невозможности имѣть въ семь походѣ лошадей; при строеніи же для артиллеріи моста, гдѣ солдаты и офицеры стояли по горло въ водѣ, Каменскій отдалъ своего рома двѣ бутылки изнемогшимъ болѣе дру-

гихъ нашимъ солдатамъ; черта единственная въ военныхъ лѣтописяхъ! Второй подобный фланговый маршъ сдѣлали мы 2-го Ноября у кирки Тихаюки, но онъ былъ и короче и легче прежняго; такимъ образомъ шведы, видя себя обходимыми и по дурному времени года не могли отступить безъ огромной потери, заключили съ нами конвенцію, по силѣ которой побѣдители предписали имъ маршрутъ слѣдованія за рѣку Торнео. Сія капитуляція, славная для насъ, заключена графомъ Каменскимъ въ Брахештадтѣ при личномъ его свиданіи съ шведскимъ маршаломъ графомъ Клингспорномъ. Вслѣдствіе сего мы мало по малу начали подаваться впередъ по мѣрѣ очищенія непріателемъ края и черезъ Брахештадтъ и кирки Олькюки, Сикаюки, Лиманго, Улеосало прибыли въ Улеаборгъ. Здѣсь простояли мы болѣе недѣли; городъ сей большой и богатый; здѣсь строятся морскія суда разнаго наименованія для продажи въ чужіе края, и таковыхъ, не совсѣмъ готовыхъ, видѣлъ я множество стоящихъ въ заливѣ, покрытомъ уже льдомъ; сіе то и дѣлаетъ городъ сей весьма богатымъ и едва ли не огромнѣе Вазы, по крайней мѣрѣ, мнѣ онъ показался прекраснымъ городомъ. Отсюда пришелъ я на квартиры въ кирку Мухось, гдѣ занималъ я въ крестьянскомъ домѣ двѣ прекрасныхъ и чистыхъ комнаты. Здѣсь, размысли о всѣхъ трудахъ, ранахъ и опасностяхъ мною на военномъ моемъ поприщѣ понесенныхъ и весьма, весьма мало награжденныхъ, я, не взирая на домашнія мои обстоятельства, гдѣ долженъ былъ вновь переносить сварливость нѣкоторыхъ родныхъ моихъ, рѣшился подать просьбу въ отставку. Князь Сибирскій много убѣждалъ меня остаться служить, обѣщая мнѣ отпускъ для излѣченія ранъ, но я, видя, что другіе по слѣпому счастью или по протекціи, менѣе меня служивъ въ сію войну, награждены много, а я остался ни съ чѣмъ, не хотѣлъ болѣе подвергать себя опасностямъ войны и глупостямъ начальниковъ и несмотря на его просьбу, получа весьма лестный аттестатъ отъ штабъ и оберъ офицеровъ полка своего, а отъ лѣкаря въ моихъ ранахъ, предъ 1 Января 1809-го года подавъ прошеніе о увольненіи меня отъ службы.

Глава X.

**Ожиданіе отставки, взглядъ на Финляндію и на причины войны въ ней; отъѣздъ изъ Улеаборга и прибытіе Тамбовской губерніи
Шацкаго уѣзда въ сѣло Подсосенки.**

Такимъ образомъ, ожидая отставки, я сдалъ роту и проводилъ время, читая книги, бравъ ихъ изъ малой библіотеки адъютанта Ше-

ховцева. 13-го января 1809-го года полкъ нашъ выступилъ въ кирку Ю за Улеборгъ, куда и я за нимъ послѣдовалъ. Здѣсь провелъ я полтора мѣсяца въ самомъ скучномъ и праздномъ положеніи, окруженный мрачными лѣсами и даже лишенный сообщенія съ офицерами полка своего по случаю рѣдкихъ здѣсь селеній въ близости Лапландіи. Голодъ и недостатокъ всего необходимаго испыталъ я въ сіи полтора мѣсяца въ высочайшей степени, ибо довольствовался во все сіе время каждый день маленькимъ кусочкомъ коржа или черствой прѣсной лепешки и сельдями. Грусть и тоска меня одолѣвали совершенно, и я, бѣдный, доходилъ до мрачнаго отчаянія при слухахъ, что отставки мнѣ не будетъ; лишенный всякаго утѣшенія человѣческаго, я не имѣлъ и утѣшенія религіи, будучи воспитанъ въ наружностяхъ оной, но истинно утѣшительной внутренности ея не вѣдавшій! Въ такомъ ужасномъ положеніи былъ я какъ бы изгнанный изъ общества человѣческаго и лишенный всѣхъ связей съ онымъ, но окружающіе меня бѣдные солдаты—игралище страстей царя своего—страдали еще болѣе меня. Лишенные пропитанія, они скитались подобно тѣнямъ или привидѣніямъ мрачныхъ лѣсовъ здѣшнихъ. Сіи бѣдные люди, лишенные даже и куса хлѣба и питавшіеся въ теченіе цѣлаго мѣсяца одними сельдями, возбуждавшими въ нихъ непомѣрную жажду, начали пухнуть. Я видѣлъ, какъ ихъ десятками отвозили въ лазаретъ! Я видѣлъ, какъ они въ отчаяніи бросались на лошадей, и убивая ихъ, варили себѣ изъ нихъ пищу! Я видѣлъ, что изъ 100 человѣкъ бывшей моей роты осталось только 20 на ногахъ, другіе всѣ лежали. Тогда то, а не прежде, дано позволеніе на реквизицію и бѣдные солдаты, жертва власти, начали поправляться и по свойственному русскимъ характеру скорѣе забыли все свое горе. Проклятіе да падетъ на графа Буксгевдена, бывшаго тогда главнокомандующимъ и хладнокровно взиравашаго на ужасную гибель его подчиненныхъ! Но отвратимъ взоръ отъ сей печальной картины и при окончаніи сего второго періода моей жизни, а съ нимъ и служенія моего отечеству въ службѣ военной, бросимъ бѣглый взглядъ на сію страну, въ которой я ратовалъ цѣлый годъ, и которую я оросилъ моею кровію, какъ бы запечатлѣвъ тѣмъ спокойствіе ея на многія столѣтія.

Финляндія, бывшая шведскою, а теперь російскою, предметъ желаній двора нашего отъ временъ Петра Великаго, омываема съ юга и запада Финскимъ и Ботническимъ заливомъ, на которыхъ имѣетъ она 14 портовыхъ городовъ, именно: Ловизу, Борго, Гельсинфорсъ, Экнесъ, Або, Нюстадтъ, Біернеборгъ, Христіанштадтъ, Вазу, Ни-Корлеби, Гамле-Корбеби, Якобштадтъ, Брахештадтъ и Улеборгъ, прости-

рается отъ прежней нашей границы по чертѣ у Мейшлота, Вальманстранда, Давыдова и рѣки Кюмени до нынѣшней границы у рѣки Торнео на 683 версты.

Вся поверхность ея покрыта, такъ сказать, большими и малыми озерами, рѣками и болотами; мѣстами, гдѣ оныхъ нѣтъ, растутъ огромные лѣса, а въ частяхъ губерніи Нюландской, Вазасской, Абосской и Гельсингфорской родится рожь и ячмень въ довольномъ количествѣ; Аландскіе же острова суть житница Финляндіи. На сей то поверхности живутъ по ревизіи 1809-го года 850 тысячъ обоего пола людей въ прекрасныхъ городкахъ, селахъ и деревняхъ и живутъ чисто, опрятно въ довольствѣ и покоѣ.

Важнѣйшія крѣпости финляндскія суть: Ловиза и Швартгольмъ, неприступный Свеаборгъ, стоящій на пяти каменныхъ скалахъ выдавшихся въ море, и Тавастгустъ. Я уже сказалъ прежде о благосостояніи края сего и теперь долженъ прибавить, что оное проистекаетъ болѣе отъ мѣстности, но при томъ и отъ свободы здѣшнихъ крестьянъ не вѣдающихъ барщины или крѣпостного права, столь обременительнаго у насъ, но въ отношеніи къ силѣ государственной необходимаго и единственнаго установленія. При соединеніи сего обширнаго края это заслуживаетъ большаго вниманія; сверхъ коммерческихъ важнѣйшихъ видовъ, и потому, что теперь мы съ Швеціею имѣемъ естественныя границы, и столица наша, отстоя отъ сухотной на 933 версты, обезопасена отъ вторженія шведовъ, имѣя на водахъ всѣ средства не къ защитѣ только, но и къ побѣдамъ. По примѣру римлянъ, завоеватели должны были получить славныя награды, но мы благодаря самодовольству своего царя остались ни съ чѣмъ и даже жалованье получили ассигнаціями.—Теперь взглянемъ на причину войны столь обезславившей Александра I-го по ея началу. Силою Тильзитскаго мира тайною статьею постановлено: внести Александру I-му въ пользу Наполеона 40 милліоновъ серебрянныхъ рублей, принудить шведскаго короля Густава IV-го Адольфа къ признанію Наполеона императоромъ и въ вознагражденіе сего взять Финляндію, а Швецію вознаградить за сіе отдачей ей части Помераніи съ островомъ Рюгеномъ, занятыми тогда французскими войсками. Вслѣдствіи сего начаты переговоры между Александромъ I-мъ и Густавомъ IV-мъ Адольфомъ, но въ то же время тайно проводимы были къ его границамъ наши войска такъ, что проходили Петербургъ ночью, тайкомъ отъ жителей, какъ и мы взошли, къ исходу Января 1808 года насъ собралось на границу до 40 тысячъ человѣкъ; между тѣмъ переговоры продолжались съ жаромъ, ибо силь-

ный духомъ Густавъ ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ признать похитителя Бонапарта законнымъ государемъ Франціи, а тѣмъ еще менѣе соглашался на уступку и вознагражденія ему предложенныя. Среди сихъ переговоровъ, во время которыхъ Густавъ надѣялся на права народныя и оставался въ спокойномъ положеніи, вдругъ получаетъ извѣстіе, что мы 20 Февраля въ числѣ 40 тысячъ вторгнулись безъ объявленія войны въ его владѣнія! Оскорбленный симъ не только несправедливымъ, но и наглымъ поступкомъ Густавъ IV-й приказалъ арестовать пребывающаго въ Стокгольмѣ посла нашего тайнаго совѣтника Алопеуса, и объявилъ войну Россіи. Безъ всякаго сомнѣнія, Густавъ въ семъ случаѣ поступилъ какъ герой, достойный своей короны, не взирая на то гибельное положеніе, въ которое поставилъ онъ свое государство сею неравною борьбою, ибо на его сторонѣ была честь и справедливость, потому что Россія заключеннымъ 1800-го года въ Сентябрѣ трактатомъ обязывалась защищать права и неприкосновенность владѣній Шведскаго королевства, а теперь сама вѣроломно нападала на оныя.

Войска шведскія при наступленіи нашемъ получили повелѣніе отступать къ Улеборгу и ихъ число тогда простиралось только до 7 тысячъ! Такимъ образомъ шведскій главнокомандующій фельдмаршалъ графъ Клингспорнъ искуснѣйшимъ соображеніемъ успѣлъ не только спасти свою маленькую армію, но не оставилъ намъ даже ни одного транспорта и ни одного хлѣбнаго магазина, увезя все съ собою. Между тѣмъ, армія наша шла безпрепятственно впередъ, и главная колонна оной послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ занявъ на берегу Финскаго залива городъ Ловизу съ крѣпостью Швартгольмъ, подалась къ знаменитому и неприступному Свеаборгу, который и блокировали дивизією графа Николая Каменскаго. Въ то же время другія колонны шли по берегу Ботническаго залива и заняли оный до города Вазы включительно, а правѣе шедшія заняли Сиволакскъ съ городомъ Тавастгустомъ и всю Карелію съ городомъ Куопію, откуда, обратясь, преслѣдовали шведовъ черезъ Брахештадтъ къ Улеборгу. Шведскій король, издавъ манифестъ къ своимъ подданнымъ, въ которомъ изобразилъ наглое и незаслуженное нападеніе русской арміи въ сильныхъ выраженіяхъ, призывалъ ихъ къ защитѣ своего отечества, а между тѣмъ успѣлъ изъ Вестерботніи подкрѣпить Клингспорна нѣсколькими полками, такъ что сила его арміи возросла до 12000 и была въ состояніи на первый разъ противостоять россиянамъ, обезсиленнымъ занятіемъ крѣпостей и городовъ, на столь большомъ пространствѣ лежащихъ. Густавъ, надѣясь на твердыни Свеаборга, думалъ сильно отомстить намъ съ открытіемъ весны, но

Александръ I-й дѣйствовалъ также неусыпно. Въ исходѣ марта явился передъ Свеаборгомъ нашъ военный министръ графъ Аракчеевъ съ кучами золота, и съ помощью главнокомандующаго и графа Каменскаго убѣдилъ Свеаборгскаго коменданта вице-адмирала графа Кронштета сдать намъ на капитуляцію сію важную крѣпость. Гарнизонъ изъ 6000 человѣкъ лучшихъ войскъ состоявшій, вышелъ на гласисъ крѣпости и видя малое число нашихъ войскъ, ибо въ дивизіи Каменскаго и 3000 не было подъ ружьемъ отъ большой убыли, при блокадѣ понесенной, съ досадою ломалъ ружья и крикомъ своимъ изъявлялъ свое неудовольствіе. Видя толикое негодованіе непріятеля, Каменскій велѣлъ зарядить пушки и ружья, но все кончилось миролюбиво, и гарнизонъ обезоруженъ, а безчестный Кронштеть съ хорошимъ запасомъ червонныхъ удалился въ свои финляндскія мѣстности, равно, какъ и другіе изъ частныхъ начальниковъ Свеаборгскаго гарнизона, получившіе знатныя суммы за свою измѣну отечеству. Между тѣмъ какъ Свеаборгъ сдавался, маршалъ Клинтспорнъ, сосредоточа, какъ выше сказано, искусною ретирадою свою армію и получа новое подкрѣпленіе рѣшился атаковать насъ. Онъ обратилъ вниманіе свое на нашъ отрядъ, изъ 700 человѣкъ состоящій и стоявшій на самой критической точкѣ въ отношеніи какъ Тучкова дивизіи, такъ и шведской арміи; сей то отрядъ Апрѣля 20-го атаковалъ у Револакса графъ Кронштеть, братъ купленнаго коменданта, съ 3000 человѣкъ и разбилъ оный совершенно по глупости, можно сказать, ослиной генерала Булатова, который не могши удержать поста своего, могъ отступить съ честію къ Брахештадту. Слѣдствіемъ сей побѣды было совершенное уничтоженіе отряда подполковника Обухова, изъ Каяны въ кирку Тулькила прибывшаго, и всеобщее востаніе Улеоборгской, Куопіоской, части Сиволакской и Вазаской губерніи, въ которыхъ не осталось ни одного батальона войскъ нашихъ. Ошибка важная во всеобщемъ планѣ была та, что 40 тысячъ войска разсыяли на пространствѣ 60 верстъ и привели къ точкѣ соединенія непріятеля только слабую нашу 5-ю дивизію, въ которой и 4000 человѣкъ не было подъ ружьемъ; не менѣе важная ошибка еще и въ томъ состояла, что дворъ нашъ однимъ походомъ надѣялся занять всю Финляндію и въ семъ предположеніи не только растянулъ линію арміи по берегамъ Финскаго и Ботническаго заливовъ но и лишилъ нѣкоторыя части оной совершенно сообщенія какъ на примѣръ, отрядъ полковника Вуича, на Аландскихъ островахъ поставленный. Послѣ описаннаго пораженія при Револаксѣ и Пулькилѣ отряда Булатова и Обухова, 5-я дивизія отступила къ Гамле-Корлеби, гдѣ и остановилась въ первыхъ числахъ мая.

Весна, открывшая заливы, дала возможность огорченному потерю Свеаборга королю Густаву IV-у напасть со всѣхъ сторонъ на нашу береговую армію, вслѣдствіе чего десанты были высажены при Або, Вазѣ и Христіанштадтѣ; первый былъ разбитъ искуснымъ княземъ Багратиономъ, но Ваза и Христіанштадтъ заняты шведами, и стоявшія на линіи нашего сообщенія извѣстительные посты отъ Або до послѣдняго города истреблены; въ то же время умноженная сухопутная шведская армія заняла частію оной Карелію до города Куопіо, а главною силою осадили нашъ корпусъ отъ Гамле-Корлеби въ средину Финляндіи къ киркѣ Весткюле. Совокупно съ сими побѣдами народъ финляндскій восталъ для отомщенія напавшимъ на него иностранцамъ, и истребляя всюду наши транспорты, магазейны, малые отряды и курьеровъ поставилъ всю нашу армію въ гибельную крайность! Кровь полилась рѣками на морѣ и сушѣ, и Густавъ имѣлъ удовольствіе видѣть отомщеннымъ себя ужасною гибелью войскъ нашихъ, ибо въ то же время и отрядъ Вуича на Аландѣ взятъ въ плѣнъ и вице-адмиралъ нашъ Бодиско бѣжалъ отъ его флота!

Александръ I-й, видя гибель своей арміи, подкрѣпилъ оную еще двумя дивизіями пѣхоты, третьими батальонами гвардіи и резервными нашей всей арміи, которые были посажены на гребной флотъ. Всѣ сіи силы, а паче искусныя движенія главнаго корпуса графа Каменскаго къ исходу осени доставили намъ вновь рѣшительныя побѣды, слѣдствіемъ которыхъ было прочное занятіе всей шведской Финляндіи. Но сіи побѣды не поколебали духа Густава IV-го, который съ геройскимъ мужествомъ всенародно поклялся не признавать Наполеона государемъ Франціи. Такъ кончилась первая кампанія сей тяжелой и несправедливой войны. Въ сіе то время хитрый Наполеонъ, радуясь, что завлекъ Россію въ столь тяжкую войну, сказалъ: *„я дешево продалъ Финляндію, но купчая будетъ дорога“!*

Теперь обратимся къ моему положенію. Наконецъ послѣ долгаго и тяжкаго ожиданія я получилъ мою отставку! Не такъ ли бываетъ радъ заключенный безвинно при выпускѣ его изъ тюрьмы? Я въ тотъ же день бросился къ своему шефу за паспортомъ и, получа оный, пустился въ Улеаборгъ въ корпусную квартиру для полученія подорожной; здѣсь собравшись совсѣмъ и распростившись съ храбрыми товарищами моими, которые меня всѣ любили и провожали болѣе 20 верстъ, и пожелавъ имъ счастливо пожинать лавры, а отъ нихъ получа желаніе мнѣ спокойствія и счастья, 9-го марта 1809-го года пустился домой.—Домой! сказалъ я, садясь въ сани,—будетъ искать мечты брошен-

ному отъ людей человѣку! Гдѣ я не былъ, вездѣ служилъ съ ревностью, и что получилъ въ возмездіе? Ничего, совершенно ничего! Итакъ пора приняться за соху тому, чья вся почти жизнь усѣяна была терніемъ. Довольно! Я былъ гонимъ въ семействѣ, гонимъ на военномъ поприщѣ, вездѣ старался быть полезнымъ и вездѣ получалъ толчки, прощай Марсъ! Влагаю шпагу въ ножны мои, беру посохъ и буду искать уголка, гдѣ бы преклонить удрученную несправедливостями, трудами и бѣдствіями главу мою. Съ сими мыслями пустился я въ дорогу, оставляя дѣтей Марсовыхъ, соединившихся въ три корпуса у Або, Вазы и Улеборга подъ начальствомъ генераловъ: Багратіона, Барклая и Шувалова для перехода въ Швецію. Я ѣхалъ на кирку Индесальмы, города Куопіо, Варнгаузъ, Нейшлотъ, Выборгъ, гдѣ встрѣтилъ я императора Александра I-го, ѣхавшаго въ Борго для открытія сейма всей Финляндіи, дабы утвердить и успокоить жителей ея въ неприкосновенности правъ и преимуществъ ихъ, а главное ихъ дѣло состояло въ томъ. что, опасаясь при войнѣ со Швеціей видѣть возмущеніе края сего въ тылу арміи, хотѣли задобрить финляндцевъ симъ невиданнымъ еще ими церемоналомъ и личною ласковостію новаго обладателя ихъ, въ чемъ и успѣли совершенно.

Изъ Выборга пріѣхавъ въ Петербургъ, я пробылъ въ сей столицѣ одинъ день и оттуда черезъ Торжокъ, Вышній Волочекъ, Тверь, Москву, Подольскъ, Серпуховъ и Тулу пріѣхалъ въ Есенокъ.

Здѣсь, отдохнувъ, пустился я по самой дурной дорогѣ и въ ростепель черезъ Епифанъ, Скопинъ, Рязскъ и Сапожокъ въ село Подсосенки матери моей покойной принадлежавшія, гдѣ она и жительство тогда имѣла и пріѣхавъ туда благополучно, совершивъ свое путешествіе въ 2020 верстъ безъ человѣка. одинъ одиноконекъ съ повозчикомъ.

Мать моя была довольно обрадована моимъ пріѣздомъ и здѣсь я узналъ о смерти одной особы, много зла мнѣ дѣлавшей. и возымѣлъ надежду на мирное провозженіе времени въ моемъ семействѣ, возымѣлъ напрасно, ибо послѣдствіе покажетъ, что и въ семъ я ошибся.

Въ окончаніе сего второго періода моей жизни скажу окончательно и о судьбѣ знаменитаго по величію духа короля шведскаго Густава IV-го Адольфа! Приближеніе на трехъ пунктахъ сильнаго непріятеля не колебало величіе души Густава, и онъ въ началѣ марта 1809-го года предпринималъ самъ вести армію свою на Аландъ, но въ сіе время составился противъ него заговоръ, главою котораго былъ дядя его,

впослѣдствіи бывшій королемъ подъ именемъ Карла XIII-го. Слѣдствіемъ сего было, въ то время какъ собирались войска на дворцовой площади для похода на Аландъ, арестованіе сего славнаго государя, произведенное въ его комнатахъ среди дня собственными его генералами! Сначала при словахъ: „Вы арестованы!“ Густавъ, обнаживъ саблю, хотѣлъ защищаться, но когда объяснили ему, что сего требуетъ армія и народъ, видя непреклонность его къ миру и признанію Наполеона онъ, остановясь, отдалъ свою саблю сказавъ: „бойтесь Бога, и повинуйтесь избранному вами государю“! Послѣ сего начались переговоры, и хотя война продолжилась до сентября 5-го, но ведена была слабо съ обѣихъ сторонъ и миръ, подписанный въ сей день въ Фридрихсгамѣ, городѣ на берегу Финскаго залива близъ Выборга лежащаго, даровалъ прочное обладаніе всею Финлядіею и Аландскими островами нашему отечеству.

